

СССР

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ
СТАЛИНСКАЯ
ГВАРДИЯ
Наследники
Вождя

СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ

Арсений Александрович Замостьянов

Сталинская гвардия.

Наследники Вождя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633335

Сталинская гвардия. Наследники Вождя: Якуза : Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-41282-2

Аннотация

«Кадры решают всё!» – правота этих сталинских слов доказана всей советской историей. Сам Сталин вырастил себе достойную смену – именно управленцы сталинской школы, его ученики и наследники (тогда говорили «выдвиженцы») возглавили «поколение Победителей», которое выиграло Великую Отечественную войну, одолело послевоенную разруху, добилось ядерного паритета с Западом, обеспечило прорыв в космос и превратило СССР в мирового лидера. До сих пор мы живем на проценты с достояния, созданного «сталинской гвардией». Они были лучшими управленцами за тысячелетнюю историю России. Для них не было ничего невозможного. Они не сумели только одного – передать власть достойным преемникам. И когда в восьмидесятые годы их поколение сошло с исторической сцены, для российской цивилизации началась эпоха застоя и деградации.

Брежнев и Косыгин, Устинов и Сулов, Громыко и Андропов, Гречко, Шелепин, Щербицкий, Гришин, Кунаев – эта книга впервые рассказывает о наследниках Вождя «без гнева и пристрастия», воздавая должное непобедимой «сталинской гвардии», под управлением которой Советский Союз достиг пика могущества и статуса сверхдержавы.

Содержание

Кадры, которые решали все	5
1	5
2	10
Алексей Николаевич Косыгин	24
Судьба реформы	56
Правительство Косыгина	67
Переговорщик	74
Индустриальные битвы	81
Человек	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Арсений Замостьянов Сталинская гвардия. Наследники Вождя

Кадры, которые решали все

1

Пик Коммунизма, который до 1962-го назывался пиком Сталина, переименован. Теперь он носит имя древнего эмира Исмаила Самани. В Кремлевском Дворце съездов, где они заседали, с кресел сорвали красную обшивку. Отныне кресла там голубые, как кровь аристократа. Подозреваю, после ремонта мы больше не увидим серпа и молота на занавесе в Большом театре. Никого не удивила первоапрельская идея одной газеты – покрасить в белый цвет стены и башни Кремля. Это, конечно, очень наваристый, откатоемкий проект, но есть в нем и идеологический смысл. Хотят перечеркнуть эпоху, пред святынями которой Симонов писал:

Полночь бьет над Спасскими воротами,
Хорошо, уставши кочевать

И обветряться всякими широтами,
Снова в центре мира постоять.

Можно снести памятники, поменять красный цвет на голубой, но советскую цивилизацию на хромой козе не объехать. Освоение Урала и Сибири, нефть и газ – это СССР. Из доверия к щиту и мечу КГБ выросла массовая популярность Путина – и это тоже советская ценность. Когда Трудовую улицу хотят переименовать в Станичную, а Краснофлотскую – в Набережную реки Амур (так происходит в современном Благовещенске), это не просто шалости некогда юных историков. Это симптомы срамной болезни – декоммунизации. Декоммунизация – бичевание советской власти как незаконной и преступной. Это борьба с советской этикой и эстетикой, с коммунистической идеологией и с образом жизни. Историческим примером здесь служит немецкая денацификация, и, значит, декоммунизаторы стремятся уравнивать преступные режимы: гитлеровский и советский – от Ленина до раннего Горбачева. В перспективе – ущемление в правах сотен стариков с боевыми наградами на пиджаках и новые внешнеполитические атаки на Россию как на правопреемницу СССР. Один публицист сказал: «Декоммунизация – путь к национальному согласию!» Звучит, как «Анархия – мать порядка».

Поехали! Разломали и сдали в утиль Ту-154, стоявший на ВДНХ, возле павильона «Космос». Теперь намереваются

ся сломать и ракету «Восток». Наших военных баз на Кубе и во Вьетнаме давно нет, потоплена и орбитальная станция «Мир»... Флагманы советского флота продаем азиатским странам. Когда в 1892 году британцы продали немцам на утиль «Разящий» – флагманский корабль Нельсона, – хорошие стихи написал Артур Конан Дойл:

Вам не понять, корыстолюбцы:
Не все на свете продается...

Когда-то Валерия Новодворская вопрошала: «Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом сгорит все дотла, в том числе и мы сами». Они преуспели: вместо Спарты мы становимся пародией на вороватый Афинский морской союз.

Директор Института экономики РАН Руслан Гринберг – далеко не коммунист и отчаянной ностальгии по СССР не подвержен. Но однажды он разоткровенничался: «Нам осталось 5—7 лет, в течение которых все, что было наработано в советские времена, сойдет к нулю. Полностью деградирует созданный тогда научно-технический потенциал. Специалисты, высококвалифицированные рабочие просто вымрут». Вертится на языке вопрос: стоило ли ломать страну, оплевывать ее идеологические святыни, уничтожать экономическую систему, чтобы через 25 лет разбазарить все, что было наработано, не создав нового?.. А президент Медведев

недавно сказал еще откровеннее: «Престиж Отечества и национальное благосостояние не могут до бесконечности определяться достижениями прошлого, ведь производственные комплексы по добыче нефти и газа, обеспечивающие львиную долю бюджетных поступлений, ядерное оружие, гарантирующее нашу безопасность, промышленная и коммунальная инфраструктура – все это создано большей частью еще советскими специалистами, иными словами, это создано не нами». Герои этой книги создавали потенциал, которого хватило на четверть века смуты после того, как сталинское поколение ушло с политической сцены.

Что было после них? Среди завоеваний постсоветской России особенно популярны свобода слова и свободный выезд из страны – для путешественников и востребованных на Западе специалистов. Право свободно путешествовать по Парижам и Мальдивам – это, конечно, неплохо. Только по мне это право не стоит одного дельного чертежа, не стоит одного приличного профтехучилища. История учит, что о благополучии и цивилизационном успехе России можно судить по успехам армии, науки и добывающей промышленности, а уж никак не по успехам предпринимателей и правозащитников. Армия для России – великая инстанция! А.И. Куприн, вернувшись в Россию из эмиграции, воскликнул после воинского парада: «Сыны народа, сама армия меня простила!» Армия простила – вот кульминация патриотизма.

Хватило дуновения финансового кризиса – и стерлась по-

золота амбициозных буржуазных проектов, разлетелась по ветрам бижутерия сваровски... Куда ни помотришь – до советского рубля девяти гривен не хватает. И поэтому мы изучаем СССР. И не устаревает советская тема.

2

Каждый год 7 ноября на Красной площади устраивали лучший в мире военный парад, после чего начиналась демонстрация трудящихся. Почти всегда утро выдавалось прохладным, с дуновением зимы. Пожилые люди, собравшиеся на трибуне Мавзолея, были одеты в тяжелые пальто и маршальские шинели. Все как на подбор – в меховых шапках, преимущественно – в ушанках, но встречались и архаично респектабельные «пирожки», «москвички». В более теплые деньки они появлялись в одинаковых старомодных шляпах, которые закупал в Нью-Йорке Громыко. Церемониал политической жизни был разработан от приветствий с трибуны Мавзолея до строгих костюмов, черных отечественных лимузинов, визитов в цеха и на полевые станы. Как только не называли брежневское Политбюро – бессмертный гарнизон, кремлевские старцы... Свою почти сорокалетнюю вахту во главе государства они выстояли, передав преемникам сверхдержаву со сверхдостижениями и сверхпроблемами.

Шапка Мономаха тяжела, это исторический факт, а не поэтический образ Пушкина. Среди правителей России не было долгожителей. Дольше всех жил Брежнев – неполных семьдесят шесть лет. Да и он последние восемь лет был инвалидом. Поколение выдвиненцев Сталина работало на износ, выжимало из себя масло под прессом неподъемной от-

ветственности. К шестидесяти пяти годам, несмотря на внимательное медицинское обслуживание, они становились глубокими стариками. Силу тяжести шапки Мономаха можно измерить так: сравните среднюю продолжительность жизни отставленных Хрущевым участников «антипартийной группировки» – Молотова, Кагановича, Маленкова, Шепилова со средней продолжительностью жизни брежневиков, работавших, не считаясь с пенсионным возрастом – Косыгина, Устинова, Андропова, Громыко, Суслова. Отставники жили лет на 15 дольше!

Систему, которую они строили и охраняли, называют казарменным социализмом, рассчитывая уколоть, унижить таким определением. Но разве сравнение с казармой уничижительно? Казарма всяко лучше притона. С казармы начинаются победы. Да, это был не идеальный социализм, а всего лишь оптимальный для эпохи великих войн.

В России дышит все военным ремеслом,
И ангел делает на караул крестом...

В этих строках, приписываемых Пушкину, можно прочесть не только издевку, но и уважение к воинской державе.

Мы живем в век рейтингов, мы любим выстраивать по ранжиру – полководцев, писателей, музыкантов, ученых. Кого назовут эксперты, кого выберет «широкая общественность» для писательского пьедестала? Думаю, кандидаты

предсказуемы – Пушкин, Лев Толстой, Достоевский, Чехов. Из полководцев назовут Суворова, Кутузова, Жукова, Рокоссовского, может быть, героев древности – Александра Невского и Дмитрия Донского. И можно не сомневаться, что в любом списке лучших русских дипломатов рядом с Горчаковым будет стоять имя Андрея Андреевича Громыко, в любом списке лучших правительственных управленцев рядом с графами Киселевым и Витте мы поставим – на первое место! – Алексея Николаевича Косыгина. А среди величайших организаторов военной промышленности рядом с Демидовым самое место неутомимому Дмитрию Федоровичу Устинову.

Ни одно поколение в истории России не дало столько эталонных государственных деятелей, организаторов промышленности.

Именно это поколение может с полным правом сказать о себе: «Нас вырастил Сталин». Сталин не оставил преемника. Но он оставил поколение выдающихся управленцев, которых готовил на смену старым соратникам. Молотов, Каганович, Ворошилов, даже Жданов, Микоян, Берия, Маленков, Хрущев были именно соратниками Сталина, его боевыми товарищами, которые, конечно, сформировались под влиянием вождя. Но их выдвинул не только Сталин, их выдвинула революция! Думаю, именно по Косыгину, Громыко и Устинову мы в наиболее полной мере можем судить о сталинском управленческом стиле. Поколения Молотова (старые боль-

шевики) и Хрущева (молодые большевики времен Гражданской) могли Сталина уважать или ненавидеть, а Косыгин с Устиновым – это произведение Сталина, его политические дети. И, объективно говоря, лучшие управленцы в истории России. Сталинские победы – индустриализация, коллективизация, культурная революция – были для этих людей воздухом, почвой. Другой России они и не знали. Это их кредо Сергей Михалков и Габриэль Эль-Регистан сделали строками гимна: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил!»

Их приход начался уже в предвоенные годы, они выдержали напряжение войны, а на XIX – последнем сталинском – партсъезде власть фронтового поколения была окончательно закреплена. С капитанских мостиков они не сходили до середины 80-х.

Сталин подбирал их скрупулезно – зернышко к зернышку. Предпочитал представителей большинства – по социальному происхождению, по национальности, по культурной принадлежности. Тех, кто кровно, корнями и фундаментом связан со страной, кто не предаст ее. Для элитариев Родина там, где почести. А плебей где родился, там и пригодился. Выдвиженец Сталина – профессионал, как правило, инженер, строитель индустриальной державы. Как правило – холодный прагматик. Не ценилось краснобайство, в чести было умение смирять страсти. В цене – хладнокровная целеустремленность. Да, Сталину по душе пришлись «люди-вин-

тики» – железные, надежные. Не только исполнительные, но и решительные, способные принимать решения на свой страх и риск. Личности, полководцы! Но – и солдаты.

Ученики Сталина оставили преемникам могущественную державу, о которой даже враги писали почтительно. Не сыскать большего антисоветчика, чем Александр Солженицын. В «Письме вождям Советского Союза» (1973) он утверждает: «Запад на коленях» и пишет о грандиозных международных успехах Сталина и его преемников: «Внешняя политика царской России никогда не имела успехов, сколько-нибудь сравнимых... Россия часто оказывалась исполнителем чужих задач, вовсе не своих... от всех этих слабостей с начала и до конца избавлена советская дипломатия. Она умеет требовать, добиваться и брать, как никогда не умел царизм. По своим реальным достижениям она могла бы считаться даже блистательной: за пятьдесят лет, при всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других, – возвыситься от разоренной гражданской смутой страны до сверхдержавы, перед которой трепещет мир. Некоторые моменты особенно поражают сгромаждением успехов... Нисколько не меньше сталинских успехов надо признать успехи советской дипломатии последних лет: Западный мир как весомая сила перестал противостоять Советскому Союзу, да даже почти перестает и существовать». Руководители европейских держав «будут идти на любые уступки за одну лишь благосклонность» Брежнева, Косыгина и

Громыко. Единственную угрозу Советскому Союзу, по Солженицыну, представлял маоистский Китай – тоже, в известной степени, сталинская система. Все прагматические аргументы, доступные Солженицыну, говорят об успехе правления «сверхреалистов». Что может противопоставить Солженицын советским достижениям? «Нравственную кашницу», кошмары из истории уже прошедших первых тридцати лет истории СССР. Факты, твердая почва – за Политбюро. Но Солженицын шел в психическую атаку, намереваясь сменить сильную, успешную систему на неудачливую, никчемную, но более чистенькую в нравственном отношении. Трудно представить объективного гражданина СССР, который, при таком раскладе, в семидесятые годы сделал бы выбор в пользу Солженицына, а не Политбюро.

«В России выросло поколение, у которого в отличие от старших позднесоветских поколений нет идиосинкразии к насилию как средству решения общественных проблем», – говорит социолог Леонид Блехер, убежденный антикоммунист. И это – после перестроечной критики сталинизма с морализаторских позиций. Критиковали «палачей и кровопийц», строили церкви, мечети и синагоги – а в результате «нет идиосинкразии к насилию». Вообще в политической жизни назойливое обращение к нравственным категориям – плохой признак. Политик не может быть чистоплюем в белой ризе. Как правило, в этом случае перед нами – демагог и ханжа, и его действия прямо противоположны красивым округ-

лым словам. Куда надежнее полагаться на здравый смысл и систему контроля, которая не допускает безответственности. Увы, здравого смысла в постсоветской политической жизни немного, куда больше эпатажного эстрадного шика-блеска.

Военная промышленность и армия; ТЭК, освоение и добыча ресурсных месторождений; система Просвещения, от начальной школы до академических институтов – вот три кита, на которых суждено стоять России, от Кронштадта до Владивостока. Положение этих трех систем – главный критерий цивилизационного успеха. Когда демагогам удается увести нас в сторону от этой магистральной дороги, выдвигая на первый план другие ценности, – мы начинаем деградировать. Ведь частная инициатива, свобода слова, конкуренция олигархических телеканалов, многопартийность – все эти ценности, право, не стоят одного хорошо отлаженного ПТУ. Какие бы красивые слова ни звучали – если не развивается ТЭК и ВПК, если менее массовым и организованным становится школьное образование, если теряет авторитет армия – значит, мы маршируем к тупику. А сталинские выдвиженцы были лидерами воинской державы – и по корневой системе, и по жизненной закалке.

Из членов классического брежневского Политбюро – сталинских выдвиженцев – только у двоих были отцы с высшим образованием. Правила нами выучившиеся сыновья рабочих и крестьян – представители победившего большинства. В последние годы интеллигенты «не в первом поколе-

нии» стали лелеять в себе презрение к пролетариям. А история СССР доказывает, что «кухаркины дети» получше аристократов умеют управлять огромной страной. Аристократы столь часто перебежали от одного сюзерена к другому, что так и не научились преданно служить государству, а, получив вольность вместо обязанностей, превратились и во все в более или менее очаровательную никчемность. Сталинские выдвиженцы доказали, что простой русский Иван может быть рачительным хозяином страны, расчетливым политиком, дотошным профессионалом. Простецкие замашки, орфоэпические ошибки, на которые любят указывать снобы, не мешали им побеждать утонченных лидеров западного мира. У нас сложилось народное, плебейское государство. Люди эгоцентрического склада, эстеты и снобы в советской системе не приживались, трудновато им было...

Председатель Совета министров А.Н. Косыгин – народный премьер. От С.Ю. Витте до М.Е. Фрадкова, В.А. Зубкова и В.В. Путина на этом посту побывало немало ярких политиков и опытных управленцев. Под стать им были и министерские столпы более далеких времен, формально не бывшие главами правительств: М.М. Сперанский, П.Д. Киселев, А.А. Абаза, И.А. Вышнеградский... Яркой личностью был и П.А. Столыпин. Но в этой представительной компании сын питерского рабочего выглядит первым среди равных. Столыпин говорил: «Дайте мне только двадцать спокойных лет – и вы не узнаете России». У выдвиженцев Сталина было свое

отношение к реальности и мечтам. Когда Косыгин ночевал на эвакуационном пункте Ледовой дороги первой фронтовой зимой, у него складывались другие представления о покое, чем у Петра Аркадьевича... И после Победы обстановка не стала оранжерейной. Разруха, «холодная война». К виску страны приставлено атомное дуло. Позже – балансирование на грани ядерной войны. Не было ни покоя, ни дня расслабления. И никто не требовал спокойных лет, работали, не жалуясь на судьбину.

Это было поколение победителей. Каждый из них был счастлив 9 мая 1945 года. Годы правления фронтовика Брежнева стали лучшими в биографии сталинских выдвиженцев, детей 1937-го и Победы.

Брежнев – человек образцовой советской биографии. Нарочко не придумаешь: он был полноправным участником всех важнейших свершений сталинской державы, при Хрущеве оказался рядышком с Королевым и Гагариным. Из этого жизнелюба, приглянувшегося Сталину, попытались сделать вождя, который выражает коллективную волю Политбюро. Задумано было неплохо, но ставка не оправдалась. Подвело здоровье. Брежневу не удалось победить инсульт, полученный на одиннадцатом году правления. Пышные славословия беспомощного, больного человека укрепляли скепсис, который распространялся и на рассказы о воинском пути Брежнева. Врачам время от времени удавалось приободрить кремлевского пациента, и зарубежные коммен-

таторы поражались: вчера еще он увядал на глазах, а сегодня браво вышагивал навстречу гостям, осмысленно улыбался, реагировал на реплики... Говорили и о двойниках, и о чудесах советской медицины. Но это были временные победы эскулапов. Именно тогда важнейшим словом советской пропаганды стало слово «Возрождение». Так называлась одна из мемуарных книг Брежнева, а также – документальный фильм с одноименной песней. Возрождение страны из послевоенной разрухи не было фикцией. А вот здоровье вождя не возродилось после нокаута. Ослабела воля, окрепло пристрастие к успокоительным таблеткам. Современная пресса уделяет этой слабости генсека повышенное внимание, но не от таблеток угасал Брежнев. Шапка Мономаха раздавила его. В первое десятилетие своего правления он всерьез взялся за вожжи. А после болезни эпикуреец победил в нем комиссара. Охота, улыбки женщин, награды...

Наблюдая за организованным уходом на пенсию вождей Китайской Народной Республики, трудно обуздать чувство зависти. Как четко они проводят смену караула! А советское поколение фронтовиков, любившее говорить о «славной смене», не сумело расстаться с властью. А ведь шансы на благополучное развитие были! Вспомним, какая пропагандистская кампания встряхнула вторую половину семидесятых? Слово из трех букв – БАМ – звучало отовсюду. Бамовцев мало-помалу награждали, их чествовали на Красной площади в дни праздничных демонстраций. Едва ли не

каждый член Союза композиторов написал в те годы хотя бы одну песню о БАМе. Даже ветеран жанра Покрасс расстарался. И никто из дельных бамовских руководителей не был приближен к Ореховой комнате, к ареопагу ЦК КПСС. А ведь более удобной ситуации для формирования вождя трудно представить. Увы, постаревшим брежневикам не хватило сталинской большевистской смелости. Система власти потеряла темп. Аккурат под песню Пахмутовой и Добронравова «Темп – наш современный чародей». Потеря темпа – это необоснованное возвышение аппаратчика средней руки К.У. Черненко. Это назначение престарелого Н.А. Тихонова председателем правительства. «Пока Черненко оставался в тени Брежнева, аппаратное искусство было сильной его стороной. Но когда он начал перевоплощаться в самостоятельного политического деятеля, оторванность от жизни в целом сослужила ему худую службу», – толково сформулировал Егор Кузьмич Лигачев.

В 1975-м все было готово для прихода молодых руководителей, преданных советским идеалам. И в 1980-м еще не поздно было двумя-тремя смелыми ходами исправить ситуацию. Поставить молодого премьера – такого, как Маслюков, Бакланов или Рыжков. Сделать кандидатом в члены Политбюро какого-нибудь сорокалетнего бамовского начальника. А министр геологии Козловский, которого ценил Косыгин? Готовый глава правительства, да и глава государства. Энергичный руководитель в ореоле небывалого успеха отрасли,

мировая величина... Таких нужно было выдвигать не позже восьмидесятого! Выдвигать управленцев мирового уровня из военпрома, из КГБ, из металлургии, из энергетики... Почему в 1985-м никем не уважаемый и больной Черненко посещал завод «Серп и молот» в качестве вождя, а крепкий и талантливый В.И. Долгих сопровождал его, оставаясь лишь секретарем ЦК, когда ему самое время было возглавлять правительство? Проклятые вопросы.

В одном из разговоров Чуева с Молотовым за 1981 год читаем: «Никто не подтягивает молодых, – говорю я. – Тот же состав Политбюро». – «Это очень плохо, – соглашается Молотов. – Горбачева вытянули, а что он такое – неясно».

А потом поезд ушел. И смена поколений прошла лихорадочно, с идиотским оплевыванием прошлого, с самонадеянными филиппиками против «застоя». Началась смута, а в смутные времена властителями дум становятся не создатели, но брехуны. Журналисты и фарцовщики получили свободу, для них началась потеха. Домохозяйки получили двухсотсерийную бразильскую Марианну, их мужья – дешевую водку из круглосуточного ларька, подростки – порнографию и варево шоу-бизнеса. А для индустрии, для армии, для дипломатии, для науки началась эпоха застоя – в мертвом 1992 году это стало окончательно очевидным. Да-да, подлинная эпоха застоя началась в 1992 году, когда Россия быстро превращалась в заштатную периферию. Наверное, это и называется «весь пар ушел в свисток». Да, сталинские вы-

движенцы отстояли свою вахту достойно. Их вина в одном: сильные отцы не решились вовремя бросить в холодную воду сыновей – и однажды править балом стали избалованные, издерганные, ненадежные внуки сталинских выдвиненцев.

Насмотревшись программу «Взгляд», начитавшись «Огонька», пенсионер Лазарь Моисеевич Каганович так ответил новым правым – перестройщикам: «Эх, вы! Видали ли вы когда-нибудь сталь, видали ли вы когда-нибудь блюминг, знаете вы, что такое блюминг, который мы освоили на Ижорском заводе при Сталине? Знаете ли вы, что такое прокатный стан, что такое мощные доменные и мартеновские печи? Этого вы ни черта не знаете!». Перестроечная идеология, перечеркнувшая труды и дни сталинских выдвиненцев, была пронизана нравоучительными спекуляциями, интеллигентскими моралите. Коренные задачи – экономическое развитие, просвещение, государственная безопасность – подменялись лукавым призывом к покаянию, охами-вздохами, демагогией в белых перчатках. Сорвавшийся с цепи интеллигент, которому позволили вариться в собственном соку, – это тридцать три несчастья на празднике непослушания. Легко быть чистоплюем, осуждая других, осуждая прошлое. Когда перестроечная интеллигенция получила свою власть, уж ее-то она готова была защищать и танками, и политической юриспруденцией, и подтасовками. Проницательный старик Каганович четко увидел, где проходит линия фронта. Когда в идеологии господствует борьба с то-

талитаризмом, разоблачения ужасов ГУЛАГа, атака на коллективизм с позиций лучезарных сверхчеловеков, которые никому не должны, и маленьких принцев, напоенных воздухом свободы, – о блюминге забывают. Патетика производства, технократии чужда воинствующим гуманитариям. Им не понять, что бывают «фонари прекрасней звезд в Баку». Вот и навязали обществу архаику «Москвы златоглавой», а главное – рафинированное офисное лакейство перед Западом, перед моральными ценностями с приставкой «евро». Современное московское благополучие зависит от экспорта нефти, газа и металлов. А какие профессии пропагандирует телевидение, какие профессии престижны? Юрист, финансист, аналитик, продюсер. Но – не технолог, не горный инженер, не металлист, не геолог. В этом противоречии – стиль эпохи и ее срам. Формируется элита, привыкшая к замку из слоновой кости, далекая от российской реальности, умеющая только брюзжать, поругивая «немытую Россию», «быдлорашку». Прав Каганович: «Эх, вы!»

Именно поэтому сегодня полезно приглядеться к портретам выдвиженцев Сталина – политиков, которые управляли советской державой в пиковые годы ее развития.

Алексей Николаевич Косыгин

Пристальный взгляд инженера

Его воспитывал отец – классический питерский рабочий, человек серьезный и вдумчивый. Усач, квалифицированный токарь. В пожилые годы – классический седоусый рабочий из советского кино. Жили в достатке. Дед водил Алексея в Эрмитаж: он надолго запомнил ту экскурсию и постарался досконально повторить ее в зрелые годы, путешествуя в прошлое по следам детства... Отец держал дома, на специальной потаенной полке над дверью, десятки разных поллитровок, шкаликов и мерзавчиков. Была у Николая Косыгина традиция: под Новый год и к важным датам – таким как день рождения сына – он откладывал «на черный день» бутылку беленькой. Такая коллекция – самый верный признак того, что в доме Косыгиных водочку пили умеренно. Во время войны старших Косыгиных эвакуировали из Ленинграда, а Алексей Николаевич как представитель правительства часто бывал в родном городе, по мере сил спасал Ленинград. Отец написал ему: зайти в квартиру и загляни в полку над дверью. В пустой блокадной квартире Косыгин обнаружит водочный склад. Там была и царская водка, и новоблагословенная рыковка, и прославленные сталинские сорта... Косыгин долго угощал товарищей водкой из отцовских запасов.

Водка в России – это валюта, это фундамент бюджета. Работая в правительстве, Алексей Николаевич в этом убедится.

Помните знаменитое рассуждение о пьянстве Анастаса Микояна из триумфальных предвоенных лет? «Но почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому, что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили именно, чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь... Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьешься. Весело стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы раскусок не терять и не во вред здоровью». Микоян сыграет в судьбе Косыгина не последнюю роль. В то самое время, когда жить стало лучше и веселее, именно Анастас Иванович приметил в Ленинграде молодого расторопного управленца, который с ходу вникал в сложные городские проблемы и профессионально разбирался в нюансах легкой промышленности.

Личность Косыгина притягивает. Сегодня его заслуженно называют величайшим русским управленцем. Сам Алексей Николаевич, в отличие от многих соратников, не говоря уж о преемниках, старательно ретушировал свою роль в грандиозных и героических свершениях страны. Даниил Гранин, записавший беседу с Косыгиным для «Блокадной книги», спервоначала получил от председателя Совета министров условие: поменьше упоминать его личные заслуги, не выпячивать персону Предсовмина. «Все мероприятия проводи-

лись совместно с Военным советом и городскими организациями». Да, Косыгин не любил славословий, не способствовал появлению собственных патетических биографий. От него остались дела, документы и легенды, которые и помогут нам оживить образ этого незаурядного человека.

Давным-давно пришло время вспомнить человека, память о котором кажется неброской. И все-таки, если мы хотим дать оценку толковому, знающему свое дело специалисту, въедливому и предусмотрительному, чувствующему себя в собственном хозяйстве как рыба в воде, мы говорим: «Обстоятелен, как Косыгин». Глядя на «публичных политиков» и кандидатов в «спасители Отечества» последних десятилетий, трудно представить себе, что возможен политический успех таких чистых людей, как А.Н. Косыгин.

Говорят, Россия – это безудержная удаль, это сильные чувства, не подчиненные разуму, это Емеля, желающий стать королевичем «по щучьему велению». Поверхностные мнения о русской душе формируются под влиянием именно этого образа. Но Косыгин – иной тип русского человека, не менее важный для нашей культуры. Это рачительный хозяин, сметливый и смиренный, умеющий терпеть и идти к своей цели, высоко ставящий интересы государства и общества. Не мечтатель, а практик, человек созидающий. Противники хотят видеть Россию в пьяных слезах ухаря-гуляки, отвыкшего от регулярной работы, но была, есть и будет Россия тружеников, Россия Косыгина. На таких людей и делал ставку

Сталин.

Краткое изложение биографии Алексея Николаевича Косыгина напоминает развернутую энциклопедическую статью. Статью о крупном русском советском партийном и государственном деятеле, многолетнем главе исполнительной власти. Но прикосновение к материалам трудов и дней А.Н. Косыгина, более подробное изучение его жизни показывает нам живого человека, совершившего немало подвигов. Я горжусь, что мне довелось видеть Алексея Николаевича, еще живого, на телеэкране, довелось родиться в годы его правления, его – одного из незабвенных отцов Отечества, о которых Россия помнит тысячелетиями. Ведь и впрямь некого поставить рядом с Косыгиным из управленцев России. Ни Витте, ни Столыпин не сравнятся с ним масштабом, результатами и длительностью служения.

Председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин остается одной из немногих вечных ценностей, существовавших на наших глазах, остающихся не только нашим прошлым, но и памятью о настоящем. И не случайно, что начало всенародной славы Косыгина пришлось на дни войны, когда наш народ, наше государство доказывали свою состоятельность, огнем и трудом завоевывая право на продолжение истории России. Косыгин был среди тех героев, что ковали меч победы в тылу; и в нашей истории остался одним из немногих спасителей Отечества.

Отрицание советского периода истории – страшная ошиб-

ка, вызванная паническим, самоубийственным отношением к нашему прошлому и настоящему, отношением, на котором можно воспитать капитулянта, но не победителя. Изучая наследие советского периода истории нашей страны, мы находим подлинных героев, среди которых одним из первых является А.Н. Косыгин.

Мысли А.Н. Косыгина о нашей экономике, о принципах существования современной цивилизации и сегодня воспринимаются как точные и актуальные. И это несмотря на то, что в речах и трудах советского Предсовмина мы видим отшлифованную по требованиям этикета большой политики, дистиллированную часть косыгинского мировоззрения. И в новые времена, когда, казалось бы, для публикации экономических и социологических тезисов нет запретов, никто не сказал точнее о развитии отечественной науки, о необходимом для существования нашей экономики всестороннем режиме экономии, о научно-технической революции – обо всем том, без чего Россия попадает в унижительную, чреватую страшными последствиями политическую зависимость, а самым «престижным» будущим для поколений наших соотечественников становится будущее эмигранта. При этом нужно помнить, что, в отличие от многих сладкоголосых теоретиков от экономики, Косыгин не увлекался рассуждениями, оторванными от практики, от реальности. Он, как истинный труженик, защищал экономическую и политическую независимость Родины – порой в смертельной опасности.

Родился будущий Предсовмина в 1904 году, учился в Петровском реальном училище, а в 1919-м, когда «вихри враждебные веяли над нами», ушел добровольцем в Красную Армию. Пятнадцатилетнего Алешу Косыгина зачислили в 7-ю армию. Он строил укрепления, постигал солдатское ремесло. Этот шаг предопределил будущую партийную принадлежность Косыгина и, хотя длинный путь Алексея Николаевича в жизни нашего государства был связан с экономикой и производством, а не с партийной карьерой, в хрущевском и брежневском ЦК Косыгин имел вес человека образцовой большевистской биографии, которую начал красноармейцем. Да и мировоззрение «технократа» Косыгина включало в себя целый ряд типично коммунистических принципов, о которых речь впереди. В целом, определяя идеологию Косыгина, можно сказать, что он впитал в себя человечность и патриотизм русской православной идеи, демократизм и рационализм коммунизма, а также деловитость и дисциплинированность советской элиты сталинского образца. Отразились в Косыгине и редкостные лучшие традиции русских деловых кругов, восходящие к миру нашего купечества, сочетавшего старообрядческую суровость с замоскворецкой удалью.

В те годы великого раскола России Косыгин оказался в числе тех, кто безоговорочно принял революцию, служил ее идеалам, а позже, в самые трудные годы, сохранил ей верность. Раскол нашей страны, бывшей Российской империи, на

белую и красную – это процесс, полный исторического драматизма. Сейчас мы должны признать, что и среди белых, и среди красных были талантливые сыны и дочери многонациональной России, которых разделила политика, которых подмяла под себя буря нашей смуты. Но у белых не было ясной идеи, а большевики собирали страну под красные знамена. Косыгин был из тех, кто начал строить новый мир.

Смута – это самое страшное испытание для общества, но с ее окончанием опомнившийся народ возвращается к принципам созидания, к принципам укрепления государства, в правильности которых лучше всего убеждаешься именно в годы смут. Конечно, этот процесс тоже проходит болезненно – так было в Советском Союзе 1929—1941 годов, так будет в ближайшем будущем и в нынешней России. Алексей Николаевич Косыгин был, может быть, лучшим представителем генерации наших управленцев-созидателей, сменивших на руководящих постах управленцев-разрушителей – бывших революционеров, погоревших на сталинских процессах.

Комсомолец Косыгин увлекался греблей, с удовольствием тренировался на реке, как и многие молодые ленинградцы – как и первый наш олимпийский чемпион по гребле Юрий Тюкалов, переживший блокаду. Это спортивное пристрастие Косыгин сохранит на всю жизнь.

Косыгин окончил кооперативный техникум, потом работал в Сибири, в системе потребкооперации. «Кооперация – путь к социализму!» – писал Ленин. Наверное, эти слова

вдохновляли Косыгина.

В те годы авторитет молодого специалиста Косыгина был подкреплен очень важным для советской эпохи политическим авторитетом. Бывший красноармеец, выходец из пролетарской среды, был активным комсомольцем, а в 1927 году вступил в партию и раз и навсегда женился на любимой Клавдии Андреевне. Косыгин работал в Новосибирске, затем – в Киренске. Это был романтический период молодости будущего правителя, но именно в те годы начал складываться и профессионализм Алексея Николаевича, его деловая хватка.

На всю жизнь он полюбил Сибирь. На фотографиях тех лет мы видим счастливого, жизнерадостного человека в меховых унтах...

В 1930 году подающего надежды молодого члена правления Ленского союза кооператоров отправили учиться – в родной Ленинград, город, который в сороковые годы Косыгину доведется спасти от гибели. В тридцать один год коммунист Косыгин окончил Ленинградский текстильный институт.

К тому времени он уже был опытным хозяйственником, неплохо знавшим нашу необозримую, такую разнообразную и таинственную Россию. Ни безграмотность, с которой необходимо было бороться, ни морозы не были для молодого Косыгина загадкой. После окончания института карьера молодого инженера развивалась с головокружительной быстро-

той, и в этом судьба Алексея Николаевича напоминает судьбы других наших талантливых управленцев того времени: Микояна, Устинова, Байбакова (первый был на девять лет старше Косыгина и относился к поколению, выдвинувшемуся в начале двадцатых, но именно Микоян был тогда самым молодым наркомом). Первое поколение советских управленцев исчезало в черных воронках, освобождая кабинеты для таких преданных Сталину профессионалов, как Косыгин.

Русская история знает и такие явления, как «молодые друзья императора» периода «дней Александровых прекрасного начала», как «молодые реформаторы», бывшие в России у власти в 1997—1998 годах и получившие миллионные гонорары за свои ненаписанные сочинения. Нужно признать, что и Косыгин, и Устинов, и Байбаков авансовые надежды общества оправдали, находились на капитанских мостиках нашей экономики несколько десятилетий – и это было не худшее время в истории Отечества и, как тогда говорили, «народного хозяйства».

Дипломированный инженер, Косыгин начал ленинградскую карьеру мастером, а затем – начальником цеха текстильной фабрики имени Желябова, но не прошло и трех лет, как его назначили директором текстильной фабрики «Октябрьская». «Он уважать себя заставил» за молодую деловитость, за способность сочетать решение глобальных задач, ставившихся перед предприятием руководством, с заботой о каждом сотруднике, о каждом рабочем. В руководстве

ценили Косыгина; кроме всего прочего, он казался надежной альтернативой ставшим «врагами народа» выдвиженцам Г. Зиновьева, старой большевистской элите Ленинграда. Отмечали чистоту в фабричных цехах, четкую работу с перевыполнением плана.

В 1938 году Косыгин становится заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома, этот пост стал для него трамплином в управленческую элиту. Меньше трех месяцев он пробыл на партийной работе с промышленным уклоном, а в октябре был избран председателем исполкома Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Он стал третьим человеком великого города – после Жданова и Кузнецова. При этом – жил вместе с отцом, который, выйдя на пенсию, работал сторожем. По сути, Косыгин возглавил правительство Ленинграда. Он изучал экономику большого города, познавал ее нюансы, как управленец-хозяйственник. Знание Ленинграда пригодится ему в годы войны, когда он, уже будучи представителем центральной власти, занимался спасением блокадного города. Ленинград стал для Косыгина высшей управленческой школой, но он проработал руководителем исполкома лишь один год. С ним познакомился Микоян, инспектировавший снабжение Ленинграда. Микоян умел разглядывать в людях деловые качества. Он заметил, запомнил Косыгина.

1 января 1939 года глава исполкома Ленсовета не отдыхал

на горнолыжном курорте, не развлекался со звездами шоу-бизнеса. Начинался обыкновенный рабочий день. Его срочно вызвали в Москву. В одном купе с ним ехал артист ленинградского Пушкинского театра Николай Черкасов. Черкасов галантно поздравил Косыгина с новым назначением. Он уже видел «Правду», в которой был опубликован указ о назначении Косыгина наркомом текстильной промышленности СССР. Сам Алексей Николаевич убедится в этом только на Ленинградском вокзале, когда сам купит и прочитает газету. Это Микоян предложил Сталину кандидатуру Косыгина. С поста наркома Косыгин начинает свою сорокалетнюю работу в союзном правительстве. На XVIII съезде КПСС делегат А.Н. Косыгин был избран членом ЦК. Это был еще один поворотный момент в судьбе Косыгина: молодого наркома заметил Сталин. Да, Косыгин соответствовал складывавшимся в сталинском мировоззрении представлениям об идеальном министре: компетентный в производственных вопросах, опытный, но молодой; без амбиций политического вождя, но с идеальной биографией коммуниста; природный русак, представитель стержневого народа империи; интеллигент, но рабочего происхождения... И Сталин Косыгину доверял – а это сулило череду новых, ответственных заданий, чреватых, между прочим, и опасностью утратить доверие вождя... Ведь доверие Сталина было материей взрывоопасной!

Когда Европа уже пылала в огне Второй мировой, а Советский Союз чувствовал дыхание агрессора, Сталин под-

тверждает свое отношение к Косыгину как к надежному и перспективному руководителю, назначает его заместителем Предсовнаркома и председателем Совета по товарам народного потребления. По расчетам Сталина, Косыгину предстояло сыграть важную роль в проведении социальной политики в военные годы. Испытание? Безусловно, испытание – и сложнейшее. И летом сорок первого «момент истины» для Советского государства и его руководителей настал.

Суровое время потребовало людей энергичных, отважных, преданных Родине. Иногда нападение Гитлера на громадный Советский Союз представляют чуть ли не как безумную авантюру! При этом забывается, что ни в Германии, ни в Великобритании, ни в США не верили в крепость Советского государства. Казалось, что сталинская империя, отягощенная внутренними противоречиями, рухнет под ударами извне, как это произошло с Российской империей в Первую мировую. Казалось, что после первого удара немецких войск централизованная Россия исчезнет, единой экономики не будет... Война оказалась вызовом не только нашей армии. Проверку на прочность проходили управленцы, политики. В первые часы войны Косыгина назначают заместителем председателя Совета по эвакуации при советском правительстве. Председателем комиссии был не слишком активный Шверник. А. Косыгин работал решительно и самоотверженно. Возвращаясь из прифронтового Харькова в Москву на автомобиле, Косыгин чуть не угодил к немцам. Враг

наступал. «Цепь эвакуопунктов протянулась на тысячи километров – от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», – писал Косыгин. До первой фронтовой зимы удалось эвакуировать 1523 предприятия! И в хаосе, в адской суматохе трагических первых месяцев Великой Отечественной войны переезжали на Восток и с колес начинали работу, необходимую фронту.

Косыгин занимался и обеспечением Красной Армии саперными и инженерными средствами – наладить это производство было неподъемной задачей. В армии имя Косыгина было синонимом надежности. Офицеры и генералы верили в Косыгина, в его неутомимость и профессионализм.

В конце августа 1941-го в Ленинград вылетела комиссия во главе с Молотовым: Маленков, Берия, Косыгин... В районе Мги попали под бомбежку. В беседе с Даниилом Граниным Косыгин вспоминал: «Вышли из вагона, укрылись в кювете, впереди зарево, горят станция, склады, поселок. Пути разбиты. Сидим. Я говорю Кузнецову – пойдем посмотрим, что делается впереди. Пошли. Кое-где ремонтники появились, еле шевелятся. Стоит какой-то состав. Часовые. Мы к ним: что за эшелон? Красноармеец матом нас шуганул. Представляете – наркома и меня, заместителя Председателя Совнаркома! – Он благодушно удивился. – Мы потребовали вызвать командира эшелона». Они все-таки добрались до Ленинграда. Встретились со Ждановым, с Во-

рошиловым. Они должны были ответить на вопрос: можно ли удержать город? И решить, оставлять ли Ворошилова на посту командующего. Косыгин инспектировал предприятия города. Вскоре комиссия отбыла в Москву, но Алексей Николаевич остался в Ленинграде. Сталин поручил ему организовать эвакуацию ленинградских предприятий и специалистов. А еще нужно было эвакуировать детей. Скоро весь Советский Союз узнает слово, от которого до сих пор веет холодом смерти – блокада.

В той же беседе с Граниным Косыгин подробно рассказывал о первых месяцах войны: «Память у него сохраняла фамилии, количества продуктов, машин, названия предприятий. Поразительная была память. Думаю, что рассказывал он про это впервые. Так свежо было удовольствие, которое он испытывал, вспоминая. Бесстрастный голос его смягчался, его уносило в какие-то отступления, которые вроде и не относились напрямую к нашей теме. Но они были интересны ему самому. Одно из них касалось октябрьских дней 1941 года в Москве, самых критических дней войны. Москва поспешно эвакуировалась, в Куйбышев отбыл дипломатический корпус, отправили артистов, Академию наук, наркомов... Из руководителей остались Сталин, Маленков, Берия и он, Косыгин. Между прочим, организуя отправку, Косыгин назначил Николая Алексеевича Вознесенского главным в правительственном поезде. Вознесенского такое поручение рассердило, характер у него был крутой, его побаива-

лись, тем более что он пребывал в любимцах у Сталина. Сталин его каждый вечер принимал. Вознесенский пригрозил Косыгину, что пожалуется на это дурацкое назначение. Следует заметить, что Вознесенский был уже кандидатом в Политбюро, а это много значило.

– Я не отступил, и Вознесенский вскоре сдался: черт с тобой, буду старшим. А я не боялся, мы с ним друзья с ленинградских времен...». В те страшные дни Сталин положился на Косыгина. В беседе с Граниным вспомнил Косыгин и о критическом дне прифронтной Москвы: «Одну за другой выкладывал он интереснейшие подробности о том, как шестнадцатого октября здание Совнаркома опустело, – двери кабинетов настежь распахнуты, валяются бумаги, шуршат под ногами, и повсюду звонят телефоны. Косыгин бегом из кабинета в кабинет, брал трубку, алекал. Никто не отзывался. Молчали. Он понимал: проверяют, есть ли кто в Кремле. Поэтому и носился от телефона к телефону. Надо, чтобы кто-то был, пусть знают...

Тут я вставил про нашего лейтенанта, который, прикрывая отход, бегал от пулемета к пулемету, стрелял очередями, как будто мы еще сидим в окопах». Вот так, бегая от телефона к телефону, Косыгину подчас приходилось подменять собою весь Совнарком. Да, этот подвиг сродни военному.

1 января 1942-го. Недолгий отдых в кинозале. И снова – новогоднее назначение, ключевое в судьбе Косыгина, который вошел в историю Великой Отечественной прежде все-

го как уполномоченный Государственного Комитета Оборона в блокадном Ленинграде. Эта миссия Косыгина была поистине героической. В осажденном Ленинграде оставалось 2116 тысяч жителей. За январь умерло больше 80 тысяч. Косыгину предстояло организовать работу ледовой трассы через Ладожское озеро и вывезти из города полмиллиона человек. Прибыв в Ленинград, Косыгин немедленно занялся «Дорогой Жизни». Из Москвы Косыгин привез 40 автобусов и 200 грузовиков, загруженных продовольствием и запчастями. Еще 260 грузовиков обещали прислать из Горького и Ярославля. Каждое колесо – на счету. Машин не хватало. От безысходности Косыгин предлагает пустить по льду троллейбусы, но до этого дело не дошло. Изголодавшихся, больных людей поездом подвозили к Ладоге, а там – по ледовой дороге в автобусах и открытых грузовиках перевозили на восточный берег озера. Там работали пункты питания, дежурили медики. Не раз на эвакуопункте Косыгин подходил к людям, помогал ослабевшим, подбадривал. Желал доброго пути и предупреждал, что дорожный паек следует экономить. Дальше – холодные вагоны спасительного поезда и – на восток, на восток...

Соратник и товарищ Алексея Николаевича, Анатолий Болдырев, вспоминал: «Зима 1941/42 г. была необычайно суровой. Морозы достигали 35 градусов, дули пронизывающие северные ветры. «...» Алексей Николаевич Косыгин каждые два-три дня наведывался на станцию Борисова Гри-

ва, объезжал по кольцевым маршрутам все пункты приема и отправки людей, грузов, пункты ремонта автомеханики и защиты «Дороги Жизни» от авиации противника».

«Дорога Жизни» была предметом постоянных забот Алексея Николаевича; он выстрадал эту дорогу, ночуя в холодных пристанционных избах, под угрозой обстрела. И старания уполномоченного ГКО не пропали даром: к февралю «Дорога Жизни» превратилась в образцовое хозяйство, спасительное для родного косыгинского города. На Ледовой дороге работало двадцать тысяч человек – героев, которые сменяли убитых и раненых и продолжали великое дело снабжения блокадного Ленинграда и эвакуации ленинградцев. В ледящую стужу, на оцепеневшей дороге, Алексей Николаевич возле одного из домиков, оборудованных для регулировщика и санчасти, встретил эшелон с ранеными в бомбежку ленинградцами. Метель занесла пути, и трассу расчищали. Уже стемнело, а уполномоченный ГКО с утра ничего не ел. Его ждали неотложные дела, нужно было спешить, но он на минутку остановился в избе, чтобы перекусить. Булка хлеба (по-ленинградски – именно булка, а не батон) да вскипяченный здесь же чай – вот и весь обед. Но, услышав стон раненых женщин, он приказал отдать хлеб им – весь, до последней крошки – и первым по еще не вполне готовой дороге умчался к своим бесконечным заботам. Ленинградцы и сейчас помнят, как Алексей Николаевич спас мальчика, которого все уже считали мертвым. Он нашел его среди коченев-

ших трупов – и заметил, что мизинец ребенка шевелится, подрагивает. Человек, привыкший внимательно относиться к цифрам и к любой работе, оказался спасительно внимательным и к человеку... Мальчик остался жив, его спасли. Алексей Николаевич лично проследил за лечением спасенного ребенка, а потом – после войны, когда можно было покрасоваться подвигом перед телекамерами – никогда публично не вспоминал об этом. Жив ли он сейчас, тот блокадный мальчик? Сколько было таких маленьких подвигов в тогдашней жизни будущего премьера! Но именно из маленьких подвигов состоит жизнь большого героя. Ему неловко было публично вспоминать об этом, дух саморекламы чужд серьезным трудягам. Сделано – и забыто. К чему хвастать?

Военные дни, полные нечеловеческого – иначе и не скажешь – напряжения сил, проходили под звуки фронтовых песен, в которых Алексей Николаевич всегда умел находить отдохновение. И потом, в памяти, он часто повторял строки «Солдатского вальса»:

И, чуть загрузив, солдатский мотив
Припомним мы мирной порой,
Споём о боях, о старых друзьях,
Когда мы вернемся домой.

С нашими песнями, с нашей армией, с нашим народом, с такими управленцами, как Косыгин, страна не могла не выстоять. Противники Советской России просчитались, а

Алексей Николаевич верил в свой народ, верил в победу с первых дней войны. Тот же Болдырев вспоминал, как им с Косыгиным пришлось ночевать в Жихареве, на восточном берегу Ладоги, за блокадным кольцом. «Поздно вечером мы собрались спать. Небольшого роста Карпов улегся на короткую кровать, Алексей Николаевич – на обычную. Пока он раздевался, я вышел в коридорчик и вернулся с двумя полшубками, которые начал раскладывать на полу. Алексей Николаевич, приподнявшись, некоторое время смотрел на мои приготовления, а затем тоном, не терпящим возражения, сказал: – Вы что это надумали? На полу дует, кровать у меня широкая – марш ко мне.

Я начал было отговариваться, но он решительно подвинулся к стене, положил рядом со своей подушкой вторую, и я бочком примостился рядом». Так и проспали руководитель и подчиненный на одной кровати – несколько часов беспокойного военного сна, которые не забываются.

Испытание войной Косыгин прошел так, что заставил вспомнить о своих предшественниках – спасителях России. Именно военные испытания сформировали оставшиеся в памяти поколений образы гражданина Минина и князя Пожарского. В условиях XX века нашим полководцам были необходимы такие энергичные организаторы хозяйства, как Косыгин.

В военные годы Косыгину поручались самые ответственные задания – заготовка топлива, эвакуация заводов и на-

селения, снабжение освобожденных территорий. И Алексей Николаевич не оплошал, а только укрепил свой авторитет. И в шестидесятые, и в семидесятые годы конкуренты Косыгина в сложной политической борьбе, неизменно сопутствующей высшим руководителям, только разводили руками перед памятью о военных подвигах Косыгина, неустанного организатора нашего тыла в 1941—1945 годы.

Автомобильная «Дорога Жизни», конечно, не была единственным достижением Косыгина на военной Ладоге. Когда в апреле таял ладожский лед, Алексей Николаевич получил поручение проложить по дну Ладожского озера трубопровод. И Ленинграду, и фронту не хватало топлива, трубопровод был необходим. Его постройка, осуществленная под руководством Косыгина в невероятно короткие сроки, проходила под огнем противника, в условиях вечной нехватки ресурсов... Трубы и насосы Косыгин, по указанию ГКО, нашел в Ленинграде. За несколько месяцев сорок второго года Косыгин восстановил судоходство по Ладоге и вдохнул жизнь в разбитые ленинградские заводы и фабрики, которые к концу сорок второго уже, как могли, обеспечивали нужды ленинградцев и нужды фронта. Случилось невероятное, может быть, еще большее чудо, чем будущий прорыв блокады: ленинградская промышленность выстояла в огненном кольце. Не безумные планы, а весьма трезвый расчет противника раскололся о трудолюбие и талант Косыгина и его соратников. Алексей Николаевич вникал в подробности быта ра-

бочих и инженеров, лично устанавливал нормы усиленного питания для больных дистрофией, устраивал судьбы тяжелобольных, открывал столовые. Везде, где была беда, появлялся этот худощавый человек с сомкнутыми губами терпеливца и внимательным взглядом ученого. Мы уверены: Ленинград никогда не забудет своего великого сына, не позволившего родному городу умереть.

В 1943 году Косыгин, оставаясь заместителем Сталина в Совнаркоме СССР, возглавляет правительство крупнейшей республики Советского Союза – непокоренной врагом РСФСР. На этом посту приходилось заниматься и работой нетронутых немцем предприятий Сибири и Урала, и устройством освобожденных нашей армией территорий России. На освобожденных территориях быстро восстанавливались колхозы, Косыгин распоряжался о доставке тракторов, плугов, горючего. И, как было у него заведено, везде должен был побывать, походить, руками потрогать стены восстановленных амбаров и ферм. Восстановление телефонно-телеграфной связи и даже «вопросы ликвидации остатков вражеских войск» – это тоже входило в обязанности Косыгина.

Окончилась война. В день Победы Косыгин бросил курить. Наверное, хотелось как-то подчеркнуть, что закончилось время самых страшных испытаний, подчеркнуть великий рубеж. Правда, один раз он попросит закурить. Уже будучи главой правительства он приедет в Грузию принимать новую табачную фабрику. Он попросил сигарету у дирек-

тора. Когда грузинский товарищ протянул Косыгину американскую пачку – Косыгин повернулся и отменил визит на фабрику. Такова легенда...

В 1946 году, на мартовском пленуме ЦК, Косыгина выбирают кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Этот ход Сталина резко повышал статус Косыгина среди других хозяйственных руководителей, не снискавших подобной чести. Говорили, что Сталин приблизил к себе молодого «любимчика»; в 1948 году Косыгина принимают в Политбюро. Перед этим, летом 1947 года, генсек и генералиссимус оказал Косыгину и высшую честь – пригласил в собственную резиденцию в Ливадии и на морскую прогулку. Чета Косыгиных и Сталин, в окружении детишек, провели несколько часов за дружеской беседой, во время которой вождь очаровывал своего любимого сотрудника откровенностью и хлебосольством. Сталин рассказывал о побеге из Туруханской ссылки, рассуждал о семейной жизни, говорил, например, что «грузинские женщины грубоваты на вид, но они умеют быть верными женами». Косыгины тоже вспоминали о молодых годах, о Сибири и Ленинграде. Узнав, что жена Косыгина работала в Кронштадте, в корабельных мастерских, Сталин улыбнулся: «Значит, вы, Клавдия Андреевна, морячка?». Под этим предлогом женщину взяли на борт крейсера «Молотов».

В газетах вышла фотография: Сталин, Косыгин и адмирал Октябрьский на «Молотове». Это был знак сталинской

милости.

В А.Н. Косыгине видят сталинского фаворита, будущего премьера.

После войны Косыгин сохраняет пост заместителя Председателя советского правительства, теперь называемого Советом министров СССР, кроме того, в 1948 году он возглавляет Министерство финансов, в 1948—1953 годы – Министерство легкой промышленности, затем, уже после смерти Сталина, Косыгин получит портфель министра промышленных товаров широкого потребления.

Но государева милость – явление переменчивое. В те же послевоенные годы над головой Косыгина прогремела гроза: печально знаменитое ленинградское дело могло до срока завершить его служение Советской России. Кто был заинтересован в устранении ленинградцев? Прежде всего – тройка влиятельных политиков – тогдашних союзников, видевших себя преемниками Сталина: Маленков, Берия, Хрущев. Расстрелян Вознесенский. Расстрелян видный ленинградский руководитель А.А. Кузнецов, родственник Алексея Николаевича. Клавдия Андреевна Кривошеина была двоюродной сестрой Зинаиды Дмитриевны Воиновой. В замужестве первая стала Косыгиной, вторая – Кузнецовой. На допросах следователи получили показания против Косыгина; Алексею Николаевичу приходится защищаться. Проверяли каждый шаг Косыгина с 1937 года вплоть до ограблений Гохрана в бытность Косыгина министром финансов. Косыгин возглав-

для РСФСР, его вполне могли обвинить в намерениях создать российскую компартию – вместе с земляком Вознесенским. Маленков подготовил постановление «Об антипартийной группе Кузнецова, Попкова, Родионова и других», в которой Косыгин обвинялся в неправильном поведении, в отсутствии бдительности. Но Сталин, за войну особенно высоко оценивший способности Косыгина, разрядил обстановку знаменитым «царским» обращением, как бы между прочим брошенным Косыгину: «Работай, Косыга, работай! Ты еще поработаешь». Царедворцы трактовали эту фразу как охранную грамоту: Косыгина Сталин пощадит. Хрущев не без зависти вспоминал, как Сталин порой признавался, что видит в Косыгине «нашего будущего премьера». Косыгин уцелел – пожалуй, единственный из высокопоставленных ленинградцев. И все-таки ленинградское дело не прошло для Косыгина бесследно, да и не могло пройти. В 1952 году Политбюро (Президиум) значительно расширяют, но в его составе не находится места для Косыгина... Статус Алексея Николаевича понижают, его снова избирают лишь кандидатом в члены Президиума.

В 1953 году, по своеобразной инерции падения, под властью Маленкова и Хрущева Косыгин лишается и кандидатства, на четыре года выбывая из партийной элиты. Косыгину определенно не доверяет и новый партийный руководитель – Н.С. Хрущев. После таких ударов немногие успешно продолжали политическую карьеру, но в Косыгине нуж-

далось наше государство, нуждались и власти.

После смерти Сталина в марте 1953 года Косыгин на несколько месяцев лишился поста заместителя Председателя Совета министров СССР. Его назначают министром легкой и пищевой промышленности. Но уже в декабре он вернулся в свой кабинет, став заместителем Г.М. Маленкова, а затем нового премьера – Булганина. В 1956 году Косыгина переводят на работу в Госплан, первым заместителем Председателя, а с 1957 года он снова становится заместителем главы правительства. В 1958 году правительство возглавляет успешный убедиться в профессионализме Косыгина Хрущев – первый секретарь ЦК КПСС и безусловный глава Советского государства с 1953 года. После разгрома «антипартийной группировки» Молотова сотоварищи (Косыгин тогда, как и большинство членов ЦК, поддержал Хрущева) Хрущев подумывал даже о назначении Косыгина новым предсовмина – вместо Булганина. Но все-таки решил самолично возглавить правительство.

Статус правительства, а вместе с ним и Косыгина, поднимается. В 1960 году Косыгина – к тому времени уже Председателя Госплана СССР – делают первым заместителем Хрущева. Если Хрущев был харизматическим лидером правительства, то Косыгин с этого времени является его техническим руководителем. Он держит в руках все нити многообразного советского хозяйства и со скромностью, но и не без чувства собственного достоинства, называет себя «главным

инженером Советского Союза», то есть – главным инженером одной из двух мировых сверхдержав. Именно Косыгин, как правило, председательствует на заседаниях Президиума Совета министров. Высочайший статус Косыгина в тогдашнем советском руководстве подкреплялся и его возвращением в Политбюро (Президиум) ЦК КПСС. Теперь Косыгин стал полноправным членом партийного ареопага, занимавшегося, конечно, и общегосударственными вопросами. В те годы журналисты не составляли рейтингов влияния политиков, но Косыгин, безусловно, уже входил в руководящую пятерку, а по вопросам экономики и вообще был первым среди равных. Осенью 1964 года ЦК КПСС принял отставку Н.С. Хрущева с его постов. Отметим легитимную форму этого процесса, стремление к коллективному руководству страной. Л.И. Брежнев стал вождем партии, Н.В. Подгорный – Председателем Президиума Верховного Совета, а Алексей Николаевич – главой правительства, Председателем Совета министров.

Косыгин не участвовал в «заговоре против Хрущева», в длительной подготовке революционного пленума. Когда в августе Шелепин и Семичастный рассказали ему об антихрущевских планах, Алексей Николаевич сперва осведомился о настроениях в КГБ. Узнав, что площадь Дзержинского выступает против Хрущева, полностью поддержал идею отставки Хрущева и согласился возглавить правительство.

На расширенном заседании Президиума перед пленумом

ЦК, которое проходило 13—14 октября 1964 года, секретарь Компартии Грузии генерал Мжаванадзе упомянул Косыгина в ряду незаслуженно обиженных Хрущевым. Действительно, в сентябре, в отсутствие Косыгина, Хрущев грубо и необоснованно критиковал своего заместителя за недочеты по сбору хлопка. Почти все выступавшие непреклонно критиковали Хрущева. Оговорки позволил себе только молодой председатель ВЦСПС В.В. Гришин и старый соратник Хрущева Микоян. Микоян предложил вариант, который мог показаться компромиссным: «Неправильное отсечь. Хрущева разгрузить, должен оставаться у руководства партии». То есть оставить Хрущева на посту первого секретаря партии или – если воспринимать формулировку Микояна расплывчато – по крайней мере, оставить Никиту Сергеевича в составе Президиума ЦК. В своих воспоминаниях Микоян пишет, что предлагал оставить за Хрущевым пост Председателя Совмина. Видимо, было и такое предложение, но на совещании 14 октября Анастас Иванович предлагал не освобождать Хрущева именно от партийной должности. Хладнокровно и решительно возразил Микояну не Брежнев и не Сулов, а Косыгин: «Удовлетворен ходом обсуждения. Линия правильная. Полумерами не удастся решить. Стиль Хрущева – не ленинский. XXII съезд – два доклада на себя взял. Все сам, все сам. Письма льстивые рассылает, а критические – нет. Противопоставили себя Президиуму ЦК и ЦК. Ни с кем не считаетесь. Интриговали. Доклад Сулова – сначала хвалил, по-

том хаял. Власть на вас давит. Вам нравятся овации. Записки и единоличные решения о пятилетке и восьмилетке. Военные вопросы – монополизировал. Созвать пленум, ввести пост второго секретаря. Вас освободить от всех постов». Микоян рассказывал Хрущеву: «Я еще предлагал учредить для тебя должность консультанта Президиума ЦК, но мое предложение отвергли». Кто отверг? Снова Косыгин. Отповедь Брежнева еще оставляла Микояну пространство для маневра, но Косыгин был непреклонен и полностью исключал присутствие Хрущева в политической жизни.

В народе события октября 1964-го восприняли с воодушевлением – как отказ от хрущевской смуты, как возвращение к сталинским нормам. С газетных страниц на советских людей смотрели два портрета. Два новых лидера. К одному из них привыкли за последние годы, он неизменно присутствовал на главных государственных церемониях. О втором знали, что в годы войны он был опорой Сталина в тылу, и эта устойчивая слава была стратегическим багажом новой власти. Гуляла по кухням частушка:

Будет все по-прежнему! —
Сказал Косыгин Брежневу,
И рабочий будет пьян,
Поставил точку Микоян.

А в новогоднем «Голубом огоньке» знатный артист-частушечник, в недавнем прошлом – любимец Хрущева Павел Ру-

даков вместе со своим новым партнером Станиславом Орловым пели:

Сократили в храме штаты,
Упразднили звонаря.
Говорят, что маловато
Прихожан у алтаря.
Эх, снег-снежок, белая метелица,
Вообще-то звонари сейчас уже не ценятся!

Веселый получился «Огонек». Многие верили, что пришел конец пустозвонству. Новые лидеры были популярны, на них надеялись.

Назначение Косыгина – человека, всю жизнь занимавшегося экономикой и невоенной промышленностью, – символизировало установку на повышение уровня жизни в СССР. Начался новый период в жизни страны и в судьбе Косыгина – период, который почему-то называли «застойным», игнорируя успехи Советского Союза в экономике и внешней политике, трудно дававшиеся победы в бескровных и кровавых сражениях «холодной войны». Именно в эти годы Советский Союз достиг паритета с США по современным видам вооружения, в эти годы в нашей стране производились не только лучшие в мире ракеты и балерины, но и специалисты различных отраслей технических и гуманитарных наук. Страна становилась все образованнее, но... от великих знаний – великие печали. Коммунистическая идеология уже

не удовлетворяла наших интеллектуалов, они искали опоры в иных идеологических установках, зачастую противоречивших патриотическим ценностям. Но за идеологию Алексей Николаевич не отвечал... Он отвечал за экономическую реформу.

Журнал Newsweek в 1964 году представлял американским читателям кремлевского премьера: «Косыгин – новый тип советского руководителя, не столько идеолог, сколько практик... Человек такого типа мог бы возглавлять крупную корпорацию вроде «Форда» или «Дженерал Моторс», но не кажется способным руководить политической партией. Он, возможно, будет рассматривать проблемы с точки зрения фактов, прагматически и логически... Косыгин поднялся наверх главным образом благодаря своей абсолютной преданности любому делу, которым он занимался, начиная с работы на ленинградской текстильной фабрике... Пристрастие Косыгина к логике будет, несомненно, полезно для русской экономики...».

К тому времени Косыгину стало ясно, что мобилизационная экономика, позволившая нашей стране сделать индустриальный рывок перед войной и выстоять в годы фронтовых испытаний, себя исчерпывает. Индустриально развитой сверхдержавой невозможно было управлять как замкнутой сплоченной корпорацией, как гарнизоном осажденной крепости. Энтузиазм и принудительность – два кита индустриальной революции – нужно было дополнить новыми стиму-

лами, от непосредственной материальной заинтересованности до улучшений условий труда, быта. В условиях то обостряющейся, то «разряжающейся» «холодной войны» выполнить эту задачу было непросто. К реформированию экономики нужно было подойти с осторожностью, по русской поговорке «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Все, кто работал с Косыгиным, отмечают его склонность к многократному взвешиванию каждого решения – наедине с блокнотом, в кулуарах Совмина, на консультациях со специалистами... В кругу директоров, главных инженеров и экономистов Косыгин чувствовал себя как рыба в воде: здесь ловили каждое его слово, и он умел приветить каждого работника, который и за тысячи километров от Москвы чувствовал дирижерскую палочку Косыгина. Он был их лидером. Воспоминания советских технократов о Косыгине красноречивы: «Поразило то, что он разговаривал совсем по-домашнему, т. е. простым человеческим языком, а не как в кинохронике. Он показал себя живым, умным, цепким, въедливым, строгим, точным, требовательным и одновременно с этим чутким и юмористичным собеседником, который проявлял действительный интерес и к своему

визави, и к обсуждаемой теме, какой бы на первый взгляд мелкой она ни казалась. В каждом эпизоде, в каждой фазе общения он безошибочно определял ее психологическую подоснову, настрой собеседника. Его реакции, реплики и жесты были безукоризненно выверены и точны. Благодаря это-

му он добивался такого положения, что собеседник как бы забывал и с кем он говорит, и в какой обстановке он говорит. Несмотря на то, что в этих актах общения участвовало много народу, у собеседника Косыгина была полная уверенность, что они разговаривают наедине. Интимно». С такими преданными кадрами он начал реформу.

Судьба реформы

В России ее называют косыгинской реформой, на Западе – реформой Либермана. Профессор Евсей Григорьевич Либерман, несколько лет проводивший исследования и эксперименты на харьковских машиностроительных предприятиях, 7 сентября 1962 года опубликовал в «Правде» статью «План. Прибыль. Премия». Публикация в «Правде» – не фунт изюма. Началась дискуссия государственного масштаба. В заглавии статьи Либермана бросалось в глаза ключевое, спорное понятие – прибыль. Либерман направил в ЦК свои предложения «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий». Альтернативную реформу разрабатывал академик В.М. Глушков, набросавший целый фантастический роман с информатизированной системой гибкого планирования, когда система вычислительных центров недалекого будущего, разбросанных по всей стране, превращала экономику в единый оркестр. Косыгина привлекли простота и четкость предложений Либермана. Либермана поддержали самые авторитетные экономисты – академики Немчинов и Струмилин. Косыгин (еще будучи заместителем Хрущева) на совещаниях и в личных беседах «прощупывал» работников министерств и директоров предприятий.

Сначала, в порядке эксперимента, на новые методы

планирования и экономического стимулирования перевели несколько фабрик и заводов из разных отраслей хозяйства. Среди них были знаменитые московские предприятия группы «Б» со славной многолетней историей – конфетный «Красный Октябрь», обувная «Красная заря» и табачный «Дукат», а также костюмная «Большевичка», на глазах улучшавшая сервисное обслуживание в новом магазине-салоне. Выходили в свет статьи ученых-экономистов, готовивших реформу. За ходом эксперимента следили внимательно и беспристрастно – и результаты первых месяцев воодушевляли. Реформа «заработала», а общество привыкало к новым реалиям. Косыгин был сторонником умеренной децентрализации экономики – но не допускал «реформ ради реформ», ставя во главу угла эффективность. Он давал предприятиям больше свободы в распоряжении средствами, но не отказывался от плана, сутью которого теперь была стоимость выпускаемой продукции, востребованной на рынке. Во второй половине шестидесятых годов у Советского Союза были наилучшие экономические показатели. Вникая в детали, в мелочи, Алексей Николаевич вел массивный советский паром между Сциллой экономики казарменной и Харибдой бесконтрольного рынка.

В 1965 году все больше предприятий переводили на рельсы эксперимента. Их работу отныне оценивали не по произведенной продукции, не по валу, а по реализованной продукции и ее стоимости. Новые предприятия на несколько

лет освобождались от платежей. Участник того эксперимента В.К. Гусев – тогдашний главный инженер Энгельсского комбината химического волокна – пишет: «Стало выгодно улучшать уже имеющееся оборудование. Причина простая: плата за модернизированный станок или усовершенствованную машину оставалась прежней, а продукции (денег) они приносили больше. Предприятиям было разрешено создавать фонды развития производства».

Реформатор должен учитывать хитрости директоров, которые были готовы перевыполнять заниженные планы. Косыгин пытался сделать выгодным напряженный план, чтобы руководители предприятий были заинтересованы в работе на пределе сил и со строгой экономией.

Нередко приходится слышать такую трактовку экономической реформы: Косыгин-де намеревался десоциализировать Советский Союз, сломать пресловутую «командно-административную систему», но партократы, напуганные Пражской весной 1968-го, реформу свернули и придушили. Это подслеповатый штамп, факты говорят о куда более сложной расстановке сил и обстоятельств. Над реформой Косыгин начал работать еще при Хрущеве. Но сразу после отставки Хрущева Косыгин занялся ликвидацией чудесатых хрущевских экономических нововведений. Борьба с реликтами «волюнтаризма» занимала значительное место в косыгинской реформе первых трех лет после отставки Хрущева. Наконец, от экспериментов Косыгин перешел к масштабной

перекройке системы. Старт реформы объявили на сентябрьском пленуме 1965-го. Речь Косыгина в кремлевском зале слушал во все уши и аплодировал вполне искренне, неформально. Пленум принял постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» – официальный, а не теоретический, документ реформы. Таких постановлений ЦК и Совмина в ближайшем будущем будет немало. Активный период реформы завершился в 1969-м постановлением «О совершенствовании планирования и капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства». Что же потом – реформу придушили? Да нет, экономика развивалась с учетом достижений «золотой пятилетки». Просто реформа не радикализировалась, как этого бы хотелось слишком страстным поклонникам леди Частная Собственность... К 1969 году на косыгинскую систему планирования перешло большинство предприятий СССР, дававших 77% промышленной продукции. Чего же больше? Реформа, как и было запланировано, завершилась вместе с очень успешной пятилеткой. А потом, в 1977-м, в новой Конституции появилась статья, закрепившая наработки реформы: «Руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хо-

зяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом активно используется хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы». Косыгинский язык внедрился в советский обиход. Предприятия, оставаясь под контролем Совмина и Госплана, получили возможности для маневра, для самостоятельной экономической деятельности. Для людей это – кооперативные квартиры (и предприятия нередко оплачивали паи для сотрудников), дома отдыха, детские учреждения, дополнительные доходы в виде премий. Косыгину удалось реализовать, пожалуй, единственную в нашей истории масштабную реформу без шоковой терапии. Реформа не ударяла по кошелькам. Уровень жизни в 1965—1969 годах повышался. Об этом невыгодно вспоминать тем, кто создает миф о несостоявшейся, половинчатой реформе Косыгина.

Реформу действительно не раз критиковали на заседаниях Политбюро – и Подгорный, и (в меньшей степени) Брежнев. В то же время Брежнев курировал подъем сельского хозяйства, и Косыгин не раз вставал на пути колоссальных капиталовложений в аграрный комплекс. Как известно, есть три основных способа разориться. Самый приятный – женщины, самый быстрый – рулетка, самый надежный – сельское хозяйство.

Но не экономические разногласия омрачили взаимоотношения Брежнева и Косыгина! Судьбу реформы не сле-

дует связывать с похолоданием их отношений. Политические маршруты Брежнева и Косыгина разошлись не в 1968—1969-м, а несколько позже – в 1973—1975-м, когда сторонники Брежнева сумели значительно увеличить влияние своего шефа и даже затеяли спектакль «малого культа» личности генсека. Политические позиции Косыгина ослабли, он стал еще более зависим от ЦК и уже не мог действовать сообразно собственной стратегии. С этим, вероятно, и связана полная разочарования реплика, брошенная в разговоре с премьер-министром ЧССР Л. Штроугалом: «Все конечно...». Речь здесь, конечно, идет не о реформе, условно говоря, Косыгина – Либермана, а о самостоятельной политике Совмина после реформы.

В 1970-е заявили о себе еще два важнейших фактора экономической и социальной жизни. Первый – форсированное освоение важных месторождений в Сибири и на Дальнем Востоке требовало солидных капиталовложений в инфраструктуру этих территорий, но и, разумеется, приносило прибыль. Второй фактор – программа Гречко, Устинова, Горшкова предполагала колоссальные «оборонные» затраты. Ситуация сильно изменилась по сравнению с шестидесятыми. СССР больше, чем в прежние годы, тратил на поддержку своих союзников в Африке и Южной Америке. Добавим к этому социальные программы того времени, увеличившие уровень жизни миллионов граждан СССР. Вот вам и целый блок объективных причин уменьшения темпов роста валового наци-

онального продукта и национального дохода. Не иллюзорный «подрыв реформы», а слоновье увеличение нагрузки на экономику. Рассмотрим показатель за три косыгинские пятилетки: в первую, золотую, когда реформа активно претворялась в жизнь, среднегодовой рост национального дохода составлял 7,7%. Впечатляющий результат. В следующую пятилетку рост сократился до 5,5%, а в последнюю косыгинскую пятилетку (1975—1979) – до 4,4%. Да, шло падение. Но такие показатели при увеличении рачительности экономики говорят и об устойчивости экономической системы, созданной Косыгиным.

Косыгинская реформа совершенствовала плановую экономику, но не уничтожала социализм. И руководители предприятий, и инженеры, и рабочие получили стимул для качественной работы. Разумеется, в новом экономическом порядке нашлись лазейки и для махинаторов. ОБХС без работы не оставался. Критики косыгинской реформы замечают, что косыгинская децентрализация не пошла на пользу гигантам тяжелой промышленности. Современный автор, критик Косыгина и преданный апологет Брежнева, Михаил Антонов пишет: «Допустим, выпуск дамских шляпок нельзя планировать по количеству и фасонам, потому что тут действует мода, которую нельзя предугадать. Значит, тут производство должно быть поставлено на рыночные основы, равняться на соотношение спроса и предложения.

А Калужский турбинный завод производит мощные си-

ловые установки. Тут и производитель, и потребитель связаны планом и договором, никакие изменения моды в этой области не предвидятся и на производство влиять не могут. Зачем же ставить их производство на те же основы, что и выпуск дамских шляпок?». И все-таки переход от прямого управления экономикой к государственному регулированию предприятий при усилении материальной заинтересованности трудящихся был необходим. И Косыгин его совершил.

Главными противниками реформы в 1965—1970-м были так называемые «софэсты» – экономисты и математики, разрабатывавшие систему оптимального функционирования экономики, сокращенно – СОФЭ. СОФЭ занимались все видные экономисты Советского Союза – в том числе и входившие в комиссию Косыгина. У противоположных сценариев развития экономической системы были общие корни – например, академик Немчинов, умерший в 1964-м, успел благословить и косыгинцев, и софэстов. Оппонентами косыгинской реформы софэсты стали не сразу, но уже после пленума 1965 года можно было говорить об «экономической оппозиции». В СОФЭ цены определялись уравнениями линейного программирования. Они верили, что кибернетика отрегулирует систему планирования. Руководил проектом академик Н.П. Федоренко, участвовали экономисты С.С. Шаталин, И.Я. Бирман. Их поддерживал вхожий к Брежневу Георгий Арбатов. Косыгин, смотревший на ситуацию глазами ушлого хозяйственника, производственника, а

не кабинетного экономиста, считал их проект авантюристическим, слишком далеким от устоявшейся, работавшей системы. Они предлагали не усовершенствование, а слом системы. Косыгин опирался на практиков – на директоров и инженеров. Косыгинская реформа делала ставку на их профессионализм и инициативу. Софэсты же смотрели на практиков свысока. Политически они подчас нападали на Косыгина с позиций охранителей социализма, утверждали, что СОФЭ поможет Советскому Союзу одержать победу в исторической битве с капитализмом, а Косыгин, Байбаков, Либерман берут на вооружение чуждый нам буржуазный инструментарий. Но в сущности идеи «софэстов» были куда более рыночными и по-настоящему опасными для основ социализма. «Если «косыгинская реформа» ставила своей целью глубокое эволюционное реформирование отечественной экономики через ее децентрализацию, то СОФЭ предлагала ее ультраревOLUTIONONное разрушение по принципу «до основанья, а затем». Реализация СОФЭ поставила бы экономических гуру над производственниками, над директорами и главными инженерами. Диктатура ученых-экономистов, как известно, хуже моровой язвы, и Косыгин это понимал. Бурная политическая деятельность «софэстов», по мнению многих ныне здравствующих экономистов, катастрофически повлияла на социально-экономическое развитие страны, ускорив ее переход в фазу застоя», – пишет Анатолий Салуцкий.

Была и еще одна – может быть, решающая – причина, делавшая невозможной реализацию СОФЭ. Кибернетическая система затрудняла маскировку военных расходов, оборонной промышленности. Значительная часть индустрии была засекреченной, и Госплан научился хитроумной конспирации. Эксперты из КГБ резонно считали СОФЭ опасной затеей, «находкой для шпионов». В 1970 году состоялось расширенное заседание Госплана, на котором проект СОФЭ отвергли. Точка зрения Косыгина и Байбакова возобладала. Правда, к тому времени завершилась и косыгинская реформа.

Косыгинская реформа не была «шоковой терапией». Ее удалось реализовать на фоне повышения уровня жизни – не элитарного, а самого массового. Косыгин считал, что экономикой нужно управлять, приноравливаясь к меняющейся ситуации. Тактику государства следует осторожно менять, чтобы она была целесообразной. Умело менял тактику в экономической политике учитель Косыгина – Сталин.

В этом опасном экономическом плавании Косыгин рассчитывал на свой хозяйственный опыт и на науку. Соратник Алексея Николаевича, его заместитель и председатель Госплана СССР Николай Байбаков так определил отношение советского премьера к умственному труду: «План по науке и технике, считал он, должен стать важной составной частью народнохозяйственного плана и пронизывать все его разделы». Он не имел научных званий и, может быть, в теорети-

ческой подготовке уступал иному кандидату наук. Но почему-то в девяностые годы пришедшие к власти кандидаты и доктора наук отнеслись к науке безжалостно, за что и были наказаны провалом собственной работы. Косыгин провалов не знал: не все получалось, многие начинания уходили в песок, но и в блокадном Ленинграде, и в роли премьера могущественного Советского Союза он не капитулировал.

Правительство Косыгина

После 1970-го возникло ощущение, что модернизация «буксует», что противоречия между правительством и ЦК задушили косыгинские преобразования. В народе пересказывали колкость Брежнева, косвенно брошенную и в премьер-министра: «Реформы, реформы!.. Что за реформы? Работать надо лучше – вот и все реформы». И все-таки Совет министров работал и решал важнейшие государственные задачи.

Алексей Николаевич возглавлял советское правительство без малого шестнадцать лет. Если лаконично характеризовать косыгинское правительство, выделяя его главные отличия от российских предшественников и преемников, то мы увидим, что прежде всего это было правительство профессионалов и правительство людей осмотрительных, осторожных, умеющих беречь зыбкую стабильность в обществе. Ведь они знавали военное лихолетье и послевоенную разруху, они знали цену риску, авантюризму. Это было правительство мужчин с ранней сединой. Огромный опыт Алексея Николаевича позволял ему подходить к экономическим

реформам с хирургической осторожностью... Этот руководитель умел находить для своей страны, для своего живого хозяйства методы лечения помимо шоковой терапии. В правительстве Алексей Николаевич делал ставку не на «предан-

ных», а на компетентных. Новиков, Байбаков, Дымшиц, Патоличев, Славский, Ломако несколько десятилетий упорного труда посвятили возрождению послевоенной страны, они были командой Косыгина. Их дополнял узкий круг министров членов Политбюро, подчинявшихся непосредственно руководству ЦК, лично близких Брежневу, но тоже входивших в правительство Косыгина: А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов. У Косыгина были непростые отношения с этими яркими, способными людьми. Но, конечно, и они формировали климат правительства – климат, способствовавший серьезной работе.

После отставки Хрущева Брежнев и Косыгин беседовали с участниками новой команды Косыгина, начиная с Байбакова, которого, после хрущевской опалы, снова поставили во главе союзного Госплана. В правительстве Косыгина работали легендарные, эталонные руководители. Одним из старейших был Е.П. Славский – воевавший в Конармии Буденного, сталинский директор завода, в команде Косыгина он был атомным министром. П.С. Непорожний – министр энергетики и электрификации – станет крестным отцом уникальной единой энергосистемы, включавшей СССР и страны Восточного блока, сперва апробированной в Египте, где побывал и Косыгин. Непорожний был автором программы строительства гидроэлектростанций – Куйбышевской, Волгоградской, Саратовской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской, Нурекской... Министерские совещания проводил на фоне цвет-

ной схемы, которая показывала сравнительное развитие советской и американской энергетики. СССР значительно опережал соперника по темпам электрификации. Из мирового арьергарда на лидирующие позиции вывел советскую газовую промышленность министр А.К. Кортунов. Для химической промышленности легендарной фигурой был и остается министр Л.А. Костандов, вытянувший отсталую отрасль на лидирующие позиции в Европе, на второе место в мире. Именно он нарушил официальную обстановку на косыгинском юбилее, появившись... с двумя пластмассовыми стульями советского производства! Это был драгоценный подарок. В 1975 году Косыгин выдвигает на министерский пост молодого талантливого геолога Е.А. Козловского. Хваткой руководителя он не уступал выдвиженцам Сталина. Козловский поднялся на волне неоспоримых достижений советской геологии. Экономность, расчетливая прижимистость Косыгина нашла своего агента в председателе Госснаба Дымшице.

Список выдающихся соратников Косыгина можно продолжать долго. Никогда – ни до, ни после – у России не было столь квалифицированного и талантливого правительства.

Многие отмечают, что А.Н. Косыгин был «белой вороной» в брежневском Политбюро. Он не стремился к неформальным, дружеским отношениям с другими партийными вождями, не любил подковерных политических игр. «Главный инженер Советского Союза» был уверен в востребованности своего собственного подхода к государственным де-

лам – подхода экономиста-практика. Независимое поведение Косыгина было следствием его здоровой уверенности в себе. Будучи главой правительства, он стремился оставаться профессионалом, а не играть «на публику». Но народ привлекал Косыгина и без популизма... Зарабатывать доверие руководства велемечивыми тостами он не любил, дружил с теми, к кому лежала душа, а не с «полезными» политическими союзниками. Сейчас принято много говорить о противоречиях, осложнивших отношения Косыгина с генеральным секретарем, но нужно признать, что связка Косыгин – Брежнев продуктивно работала в течение целого десятилетия, формируя жизнь великой державы. Внук Косыгина, профессор А.Д. Гвишиани утверждает: «А мне представляется, что личные взаимоотношения Брежнева и Косыгина были хорошими. Они очень долго работали вместе – как первое и второе лицо государства. Сделали для страны много полезного. Но между двумя политическими деятелями всегда возникают противоречия – посмотрите примеры других стран! Мне иногда кажется странным, что их взаимоотношения подаются в негативной окраске. Но заметьте, Брежнев и Косыгин были на «ты», что непозволительно было для других. Кроме Косыгина, так обращался к Генсеку еще только Подгорный, остальные – на «вы». А когда Косыгин умер, будучи уже два месяца в отставке, его похоронили со всеми почестями, положенными главе правительства: с пушечным лафетом, митингом, почетным караулом... А Брежнев, Андропов и Ти-

хонов сами закладывали урну с его прахом в Кремлевскую стену. Так не хоронили никого из тех, кто уходил в отставку.

Брежнев и Косыгин испытывали друг к другу взаимное уважение. Однажды я был с дедом в отпуске в Пицунде. Дед позвонил Брежневу, но помощник ответил, что Леонид Ильич занят. Дед не придал этому особого значения. Через три часа Брежнев перезвонил. Как оказалось, в момент звонка он просто смотрел фильм, а узнав, что звонил Косыгин, отчитал своих помощников: «Почему не соединили? Что я – не мог прервать свое кино?».

Кино – это, конечно, пустяк. И ревность, и конкуренция – все было во взаимоотношениях Брежнева и Косыгина. Они были противоположностями по темпераменту. На пышных брежневских церемониях Косыгин угрюмо посматривал на часы, всем своим видом демонстрируя, что он привык к работе, а не к церемониям.

Именно тогда заговорили о «человеческом измерении» в политике, об ответственности вождей, принимающих «судьбоносные» решения. Да, советская экономика была милитаризована, но в «холодной войне» речь шла о жизни и смерти государства, народа, самобытной культуры. И при этом Алексей Николаевич приспособлял экономику к удовлетворению растущих потребностей общества. Холодильники, стиральные машины, телевизоры, наконец, личные автомобили вошли в жизнь громадной империи, еще недавно по уровню жизни отстававшей от ведущих капиталистических

стран на целый век! Тепло и свет приходили к нашим гражданам, живущим и на севере, и юге, бесперебойно. Достижение? Теперь мы видим, что достижение, и немаловажное. О глубоком понимании Косыгиным и его соратниками самой сути российской жизни говорит и лозунг «Экономика должна быть экономной», подписанный Брежневым, сформулированный Бовиным, но выстраданный всем тогдашним руководством. Да, экономика бывает экономной и расточительной. И мы погибнем, если не выберем экономию! Только бережливое отношение к ресурсам, только аккуратный учет и введение косвенных, не являющихся непосредственно звонкой монетой, материальных стимулов, позволит нам жить достойно. И Косыгин все время твердил об экономии, не боясь очевидной непопулярности этого лозунга.

Известен случай: как-то на подмосковной автостраде сломалась машина Предсовмина. Пока водитель копался в моторе, Косыгин внимательно смотрел на проносящиеся мимо грузовики и что-то записывал в блокнот. Вскоре уже правительственные головы размышляли: как избавиться от порожних рейсов, говорили об «обратном грузе» и «тонно-километрах»... Грузовики-то по шоссе мчались пустые! В будничной работе цепкий ум премьера проявлял себя без сбоев. Строители помнят, как быстро Косыгин вник в необходимость внедрения профилированного настила из тонкого оцинкованного железа. Как настаивал на производстве эластичных перчаток для монтажников – вместо неудобных ру-

кавиц.

Переговорщик

Интересные воспоминания о Косыгине оставил Виктор Суходрев, знаменитый советский переводчик и дипломат, сопровождавший Алексея Николаевича во многих поездках. В воспоминаниях Суходрева Косыгин предстает мужественным, любознательным и находчивым человеком, компетентным политиком. Косыгин любил пешие прогулки, совершал их во всех городах – и советских, и заграничных. В канадской столице, на прогулке с премьер-министром Трюдо, нашему герою пришлось в полной мере продемонстрировать истинно русский характер, полный самообладания. Суходрев вспоминает: «Вдруг каким-то боковым зрением я заметил, как что-то черное мелькнуло справа, с той стороны, где шел Косыгин. Тут же я ощутил довольно сильный удар в правое плечо. И увидел, что к Алексею Николаевичу сзади тянутся две руки. Они обхватили его и вцепились в лацканы пиджака. Человек в черной кожаной куртке явно пытался опрокинуть Косыгина на землю. Я услышал крик: «Свободу Венгрии!». Инцидент длился, вероятно, не более нескольких секунд. Сразу же среагировал старший охранник Косыгина, а также сопровождавшие канадцы. Схватили человека и повалили его на землю. Охрана моментально сомкнулась вокруг Трюдо и Косыгина, и я, естественно, оказался в самой гуще. Все были в шоке. Особенно разволновался Трюдо. Но

Алексей Николаевич оставался невозмутимым. Он первым делом осмотрел свой пиджак и с досадой произнес:

– Надо же, пуговицу оторвал...».

Виктор Суходрев отмечал косыгинское «умение спокойно, без всякой суеты выходить из затруднительных положений». В историю вошли встречи Косыгина с Линдоном Джонсоном, с Насером, с Чжоу Энлаем, визит в Лондон. В 1967 году, во время и после Шестидневной войны, в жестком послании президенту Джонсону и в ооновской речи Косыгин изложил позицию СССР, которая, возможно, предотвратила большую войну в бурном регионе. Кризис потребовал многоплановой, маневренной тактики. Как только Израиль начал боевые действия, Косыгин воспользовался «горячей» телеграфной линией Кремль – Пентагон, проложенной после Карибского кризиса. Американцы спешно продлили линию от Пентагона до Белого дома, и начались переговоры Косыгина и президента Джонсона. «Мы предлагаем вам потребовать от Израиля, чтобы он безоговорочно прекратил военные действия... За невыполнение этого будут приняты необходимые акции, включая военные», – заявлял Косыгин, а на Политбюро выступал против прямого военного вмешательства. В итоге шестидневных переговоров и американские, и советские корабли взяли курс в сторону от боевых действий, и большой войны не случилось.

В июне 1967-го Косыгин прибыл в Нью-Йорк на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, спешно созванное по тре-

бованию Советского Союза. Бурно, пылко обсуждалась резолюция по Шестидневной войне. Не удалось избежать перепалки с представителями Израиля: Косыгин даже упомянул «Бердичевские базары», а знавший русский язык Иосиф Текоа – «подвалы Лубянки». Голос Косыгина в Нью-Йорке звучал грозно. Он требовал вывода израильских войск с территории Египта, Иордании и Сирии, требовал защиты палестинского арабского государства, провозглашенного ООН еще в 1947-м. Западные державы сопротивлялись. Только в ноябре Совет Безопасности примет резолюцию с требованием к Израилю о выводе войск с оккупированной территории. Главным защитником арабских стран на международной арене стал в тот кризисный год именно Косыгин.

Тогда же, в июне 1967-го на полпути из Нью-Йорка в Вашингтон (чтобы никто из переговорщиков не выглядел гостем или паломником), в провинциальном Гласборо прошли весьма напряженные переговоры Косыгина с Линдоном Джонсоном. Косыгин проявил неуступчивость, когда впервые в истории прозвучала тема сокращения стратегических вооружений. Быстро реагировал на любое предложение – как на привычном производственном совещании. Никакой эйфории от «встречи на высшем уровне» этот опытный нарком не испытывал, обращался с главами государств уважительно и сноровисто, как повар с картошкой.

Косыгин применял во внешней политике методы воздействия на людей, утвержденные им в руководстве производ-

ством. В первые годы после отставки Хрущева, когда власть генерального секретаря еще не стала единоличной, во внешней политике на высшем уровне Советский Союз представлял Косыгин. На Западе его считали человеком дела, умеющим принимать решения, и искали встреч на высшем уровне именно с ним. Был у Косыгина и свой внешнеполитический триумф, вошедший в славную историю российской дипломатии.

Январь 1966 года, Ташкент, урегулирование индийско-пакистанского конфликта, перераставшего в страшную войну. Несколько месяцев Косыгин готовил эту встречу, предлагая конфликтующим сторонам пойти друг другу навстречу под гарантии советского премьера. И вот Айюб Хан и Шастри протягивают друг другу руки, а наш Алексей Николаевич смотрит на них, как радушный хозяин, примиривший гостей. В трудных переговорах с лидерами воюющих стран Косыгину пригодилась выдержка военных лет: он ставил рекорды по марафонским беседам, словом действовал до тех пор, пока не добивался своего. Выносливость Алексея Николаевича поражала выдавших виды дипломатов. В дебюте переговоров Косыгин выделил вопросы, по которым Пакистан и Индия зашли в тупик неразрешимых разногласий. Советский Предсовмина предложил отложить рассмотрение этих проблем, но договариваться там, где точки соприкосновения есть. Этот принцип, отразивший железный рационализм Косыгина-управленца, и привел переговоры к успе-

ху. Война была предотвращена: 10 января Шастри и Айюб Хан подписали Ташкентскую декларацию. С тех пор отношения Пакистана и Индии не стали безоблачными, но войны, большой войны, на пороге которой стояла Азия, не случилось. Посредником великого азиатского примирения стал А.Н. Косыгин – неопытный дипломат, но государственный муж, привыкший к ответственности. Будем помнить о той ташкентской встрече: даже в истории великих держав случаи подобного успеха в примирении народов нечасты. Многолетние безуспешные старания американской дипломатии не привели к миру ни в Персидском заливе, ни на Балканах. В истории современной России подобных дипломатических успехов также не было. Может быть, мы мало учились у Косыгина? Невнимательно изучали его биографию? Ведь, забывая обо всей судьбе Алексея Николаевича, понять природу ташкентского триумфа невозможно. В этой внешнеполитической истории на авансцену вышел человек, познавший цену миру на «Дороге Жизни», а роль компромисса – в ходе восстановления разрушенной советской промышленности. В период, предшествовавший Ташкентскому соглашению, в дни переговоров и в последующие годы талант А.Н. Косыгина переживал пору зрелости, золотую пору политика. Выдвиженцу Сталина было по плечу остановить войну. Никогда специально не изучая дипломатию, Косыгин в международных делах опирался на авторитет страны и на собственный авторитет талантливого и честного руководителя. Такая

же дипломатия, основанная на личном таланте и преданности державе, была эффективной в Российской империи в исполнении Потемкина, Суворова, Кутузова. Косыгин развивал традицию великих государственных мужей России.

Косыгинский темп работы выдерживали не все. В ночь после подписания ташкентских соглашений в номере Виктора Суходрева раздался телефонный звонок: «Вставай! Шастри умирает!». Суходрев подумал, что секретарь советской делегации слишком старательно отметил успех переговоров – и теперь развлекается странными шутками. Но это была не шутка. Косыгин немедленно прибыл в индийскую резиденцию. Он застал лучших ташкентских кардиологов колдующими над Шастри. Надежды не было. Из Ташкента Косыгин направился в Дели, куда доставили и тело Шастри. Там он присутствовал на похоронах и, как водится, провел несколько важных встреч – например, с Индирой Ганди.

Брежнев и Громыко постепенно оттеснили Косыгина от внешней политики. В 1970-е годы Предсовмина, как правило, ограничивался экономическими переговорами. Но на заседаниях Политбюро настойчиво выступал за нормализацию отношений с Китаем. 11 сентября 1969 года, возвращаясь с похорон Хо Ши Мина, Косыгин сделал остановку в Китае для встречи с главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем. Они начали разговор за завтраком в пекинском аэропорту. Более трудной ситуации для переговоров и вообразить нельзя: это случилось сразу после кровопролитного конфликта вокруг

острова Даманский. Косыгин снова был там, где критическое положение. Зашивал, где порвалось. Они беседовали четыре часа, в результате – агрессивные действия Китая на границе с СССР прекратились. Косыгин приберег для китайцев афоризм в восточном вкусе: «Если все прошлое завязать в один узел и этот узел выбросить, то тогда, может быть, будет проще и легче найти подход к обсуждению проблем». Чжоу Энлай не был готов к такому повороту: «Старое сразу выбросить невозможно». Другой аргумент Косыгина китайцы приняли: «Империалисты хотят путем столкновения СССР и КНР кардинально решить свои дела». Чжоу Энлай ответил: «Наши народы не хотят этого». Они решили возобновить дипломатические контакты, вернуться к постоянным консультациям по вопросам международной политики. Говорили о перспективах торговли. Увы, великий кормчий китайского народа в 1969-м не был готов поворачиваться лицом к советским ревизионистам... И все-таки встреча Косыгина с Чжоу Энлаем стала зацепкой для будущих переговоров, прологом улучшения советско-китайских отношений в 1980-е годы.

Индустриальные битвы

Профессионализм Косыгина вызывал доверие и на внутренних, и на внешних рынках. Наши партнеры из социалистических стран, из Италии, Франции смело шли на совместные проекты с правительством Косыгина, потому что знали, что в правилах этого человека вкладывать каждую копейку в дело. В шестидесятые и семидесятые годы построены наши гиганты машиностроения – КамАЗ, ВАЗ, переоборудованы гиганты белорусского автопрома, автомобильный завод в Ижевске.

В хрущевские годы считалось, что массовое производство легковых машин нашей стране не нужно. Сначала – тяжелая промышленность, наконец, общественный транспорт, а уж потом эти игрушки для автолюбителей. Косыгину удалось отстоять проект строительства завода в Тольятти в сотрудничестве с итальянскими фирмами «Фиат» и «Пирелли». А сколько предприятий в смежных отраслях удалось модернизировать в связи с потребностями ВАЗ! Станкостроительные, шинные заводы, нефтепереработка... Даже автозаправочные станции нового типа стали строить по всей стране. В 1966-м представители СССР и Италии ударили по рукам. Новый завод задумали на волжском берегу, в городе, названном в честь лидера итальянской компартии Пальмиро Тольятти – поближе к Куйбышевской ГЭС. На партийном

съезде было сказано: завод должен давать продукцию уже в 1970-м. И 19 апреля первые шесть машин ВАЗ-2101 увидели белый свет. На открытие завода поехал Брежнев, ревниво поглядывавший на успехи Косыгина. К 7 ноября 1970-го удалось выпустить больше 10 000 новеньких «Жигулей». В 1973-м был выпущен миллионный автомобиль, и скоро завод вышел на планируемые ритмы – 650—700 тысяч автомобилей в год. Уже в 1970-м Косыгин подал идею полноприводного автомобиля «для тружеников села». Конкурс выиграли конструкторы ВАЗа. Вскоре появился первый в СССР гражданский внедорожник, завоевавший популярность на мировом рынке – «Нива».

Частенько бывал Предсовмина и на московском АЗЛК. В 1966—67-м, в соответствии с постановлениями правительства, появились самые популярные модели «Москвичей» – М-408 и М-412. В 1970—71-м, когда было налажено массовое производство на ВАЗе, завод АЗЛК, по существу, был заново построен. В новых цехах к середине 70-х уже производили по 150—180 тысяч «Москвичей» в год.

Нефтегазовая промышленность, строительство, металлургия не давали забыть и о грузовом автомобилестроении. В миллиард долларов обошелся стране КамАЗ. Завод, рассчитанный на 150 тысяч грузовиков и 250 тысяч дизельных моторов в год, начал работать в 1976-м. А для крупных самосвалов модернизировали Минский завод. Белорусские машиностроители многим обязаны Косыгину, поверившему в

их конструкторский талант и производственные возможности. В 1975-м вышел на трассы крупнейший в мире самосвал «БелАЗ» грузоподъемностью в 110 тонн. Это был не последний рекорд БелАЗа. Минский конструктор М.С. Высоцкий предложил идею массового выпуска первых в СССР магистральных автопоездов мирового уровня. Опытные образцы он готов был пригнать из Минска в Москву. Чтобы наладить производство, необходимы капиталовложения. Косыгин поверил Высоцкому и не ошибся. Получилась машина, нужная хозяйству.

Итак, к 1972 году практически с нуля выросла отрасль – автомобилестроение. Ежегодно Советский Союз экспортировал триста-четыреста тысяч легковых автомобилей – и не только в братские и отсталые страны, но и в Великобританию, Францию. А еще – грузовики, самосвалы, трактора, троллейбусы... Вот такой застой по-косыгински.

Алексей Николаевич находил новые подходы к развитию алмазодобывающей промышленности. Именно в годы правления Косыгина Советский Союз вышел на второе место в мире по добыче алмазов. Первое традиционно занимала ЮАР. В воспоминаниях Владимира Николаевича Новикова сохранилась атмосфера тех великих государственных дел, в которых проявился сметливый характер главного инженера СССР. Позволю себе длинную цитату, отлично иллюстрирующую работу косыгинского правительства и, несомненно, вскрывающую проблему, весьма злободневную и в XXI веке:

«Шло заседание Президиума Совета министров. Выступал Ломако:

– Товарищ Косыгин, мы остановили добычу алмазов в Якутии (их разработку тогда вело Министерство цветной металлургии).

– Почему остановили? – У нас нет мельниц. – Как нет мельниц? Почему никто не поднимал этот вопрос? – Видите ли, туда отправили наши мельницы, но они не работают. – Кто делал? – Сызранский завод. – Ну и что ты предлагаешь? – Надо закупить в Японии четыре таких машины. Они по 15 миллионов стоят».

Вроде бы и не так много, 60 миллионов, но дело не в этом. Я-то знал, что мы сделали для Якутии четыре мельницы, и был там всего полгода назад, сам видел, что машины пришли, но жалоб оттуда не поступало. А уже наступила зима. За Ломако вступился Байбаков:

«Да, Алексей Николаевич, надо закупать, иначе у нас с алмазами срыв будет».

Байбакова поддержал Тихонов, он тогда уже первым заместителем Косыгина был. Я выступаю и говорю: «Техника эта не сложная, хорошо работают машины и нашего производства, в том числе и на алмазах. Я не вижу никакой причины закупать их в Японии. В Якутии и наши мельницы есть, и одна японская, все работают нормально. Дайте мне семь дней, чтобы разобраться в этом деле».

Я послал в Якутию человек пять-шесть министров и пред-

ставителя Комитета по науке на три дня. Возвратились они и говорят:

– Все сызранские машины лежат нераспакованными, их никто и не пробовал запустить.

Я снова выступаю на Президиуме Совмина: «Все наши машины лежат под снегом, их даже не пытались запускать в работу. Зачем же закупать японские, когда отечественные не хуже? Не понимаю позиции Госплана, товарища Байбакова, ни позиции Тихонова, первого заместителя. Что, валюту девать некуда?»

Опять они все трое – закупать да закупать. Косыгин тогда говорит:

«Ну ладно, раз такие авторитетные товарищи настаивают, давайте купим».

Я – вне себя, но молчу. Однако Косыгин постановления так и не подписал...».

Алексей Николаевич уже давно отлично понимал, что иногда нужно согласительно кивнуть ошибающимся, но на деле потворствовать ошибкам нельзя. Мельницы у японцев мы не закупили. Это бы противоречило ставке Косыгина на развитие нашего производства и установке на экономию. Но путь косыгинского правительства не был гладок. С первой половины семидесятых годов на мировом рынке росли цены на нефть, и спрос на советское «черное золото» тоже увеличился. Мы взвинтили темпы добычи, поставив нефтедобывающую промышленность на небывалую высоту. Но у этого от-

радного явления были и отрицательные последствия. «Неф-тедоллары» ударили по отечественной легкой промышленности; теперь мы многое закупали у социалистических стран Европы, у Финляндии, а то и у «китов» империализма... Косыгин, не обладая высшей партийной властью, успешно бороться с этими процессами не мог. Популизм переигрывал рачительных хозяев.

Очень поучителен и другой пример управленческой реактивности Косыгина. Вспоминает Николай Егорычев, предшественник Гришина, Ельцина и нынешнего Лужкова на посту столичного градоначальника:

«Как-то, кажется году в 1965-м, в январе долго стояли сильные морозы. Тепловые станции Москвы оказались практически без топлива. Давление газа упало, запасов мазута оставалось на полтора дня, да и использовать его было почти невозможно, так как он загустел при низкой температуре. Эшелоны со смерзшимся в монолит углем стояли на подступах к ТЭЦ, их можно было разгружать только вручную, разбивая уголь ломami или отбойными молотками. Тысячи солдат были заняты круглосуточно на этой работе. Министерство экономики и электрификации СССР оказалось неготовым к подобной ситуации. Положение казалось

безнадежным, однако рядовые москвичи даже не догадывались об этом, так как теплоснабжение города обеспечивалось нормально». Это – главное, а что касается наказаний виновных, то и этим Косыгин занялся: «На экстренном за-

седании Совмина А.Н. Косыгин был беспощаден в оценке действий министерства, а его предупреждение министру было сделано хотя и в корректной форме, но могло стать для того последним, повторись подобная ситуация». Вспомним нынешние жалобы наших всемогущих акционерных обществ разных уровней на снег (тающий и нетающий), холод и ветер – и научимся ценить опытного управленца, умело подключившего бесплатную рабочую силу (солдат) в форс-мажорной ситуации. Если найдется сноб, осуждающий эти действия Косыгина как нерыночные, то пускай упреком ему будет тепло в домах москвичей 1965 года, память о том тепле. Косыгин умело использовал возможности социалистического хозяйства, и верно, что в послеприватизационных условиях слаженная работа армии и собственников невозможна.

В конце XIX века вся газовая промышленность России была меньше газовой промышленности одного Берлина. В 1945 году СССР добыл 2,6 миллиарда кубометров газа – в 25 раз меньше, чем США. В 1964-м Косыгин рапортовал о 90-миллиардной годовой добыче и заявил, что «Разведаны колоссальные запасы в Тюменской области». Была поставлена задача – выйти на лидерские позиции в мире по добыче газа. И за десять лет удалось добычу утроить, а к началу восьмидесятых выйти на первое место в мире. Мудрейшие из мудрейших, современные модернизаторы скептически оценивают газовую отрасль. Она-де превращает нас в «сырьевой придаток», ведет к отсталости. Какая может быть

модернизация вокруг газовой трубы? А. Косыгин сознавал, что добыча и доставка газа – это сложное современное производство, которое поможет реализовать прорывные технологии. Респектабельные модернизаторы считают современным производством джинсы и Deer Purple. А. Косыгин понимал, что и компьютерные технологии могут развиваться не по щучьему президентскому велению, а по логике большой технологической цепочки, локомотивом в которой является ТЭК. Контракт века – соглашение с ФРГ о поставках в СССР труб большого диаметра – немцы под давлением США бойкотировали в 1962—1969-м. За шесть месяцев производство труб, необходимых для газопровода, наладили на Челябинском трубопрокатном заводе. 1 октября 1973-го советская газовая труба пришла в Западную Европу. На открытие нового газопровода СССР – ФРГ в баварский городок Вайдхаус прибыла советская правительственная делегация во главе с министром газовой промышленности СССР С.А. Оруджевым. Через пять лет СССР и ФРГ связывал уже крупный газопровод «Союз», протянувшийся от Оренбурга. К 1974-му были готовы и два нефтепровода «Дружба». Немало новых технологий потребовал проект. Академик Б.Е. Патон рассказывал биографу Косыгина Виктору Андриянову: «Во время разговора в кабинете А.Н. с горечью сказал, что видел, в каких тяжелых условиях работают сварщики, сваривая так называемые неповоротные стыки на морозе в 40—50 градусов». Вскоре из лаборатории Па-

тона пришел проект машины контактной сварки стыков, которая в любую погоду передвигалась внутри трубы. Производительность труда возросла в 10 раз. Лицензия на эту машину продана в США. Вот что значит – проблема была на карандаше у Косыгина. По планам Косыгина, сырьевые суперпроекты должны были поднять индустрию, в том числе – наукоемкое производство. Да, подчас Советское государство было вынуждено гнаться за быстрым барышом, быстро увеличивать объемы продаж нефти и газа. Планы по развитию переработки сырья приходилось откладывать.

Человек

Советские телезрители отмечали вечную угрюмость, сосредоточенность Косыгина. Он не подчинялся канонам официального поведения. Сразу было видно: независимая личность, крепкий характер. Ведет себя так, как привык, как считает нужным. Взгляд его смягчался, проступала открытая улыбка, когда на демонстрациях пионеры повязывали ему красный галстук. В ответ он, как и соратники по «бессмертному гарнизону», отдаривался конфетами.

Как известно, коммунистом и главой семьи Косыгин стал почти одновременно – в 1927 году. Тихий Киренск с удивлением наблюдал за комсомольской свадьбой молодого сотрудника потребкооперации. Работа и семья существовали для Косыгина в разных измерениях: на службе он преклонялся перед точностью, дома – перед Клавдией Андреевной. Он восхищался тем, как непринужденно она беседовала со Сталиным о женской доле, когда он назвал ее «морячкой», а в итоге Клавдия Косыгина поразила вождя-вдовца чеканным определением: «Жена – это судьба». Дома Косыгин был куда менее привередлив, чем в работе. Тарелка овсяной каши каждое утро, да чай из раскаленного самовара... Квартира Косыгиных на улице Грановского, а позже – на Воробьевском шоссе была гостеприимным домом для старых друзей и знатных гостей, которых умела приветить Клавдия Андреев-

на. В доме бывали М.А. Шолохов (с ним все Косыгины были «родными по духу», как говорила дочь писателя), А.И. Хачатурян, Т. Н. Хренников, М.В. Посохин, академики Келдыш, Челомей и Александров... Болезнь Клавдии Андреевны заставила премьера оборудовать рабочий кабинет в больничной палате, рядом с женой. О трагедии Косыгин узнал, стоя на Мавзолее: шла первомайская демонстрация. Свою Клавдию он вспоминал каждый день, вплоть до последних дней в больничной палате...

Служба свела главного инженера страны и с главным анτισоветчиком. А.И. Солженицын записал на одной из хрущевских встреч с интеллигенцией: «...И в какой-то особой удрученно-ослиной позе, не разделяя этого сборища и не касаясь его, сидел Косыгин. Глава правительства – сам был здесь раб безысходный, комический, хотя ждали его дела поважнее... Косыгин сидит, все так же уныло ссунувшись плечью между рук, показывая, что он тут ни при чем, не участвует, такой глупостью он не стал бы заниматься».

Пройдут годы, Косыгин прочитает «Пир победителей». Пьеса возмутит Алексея Николаевича: такой клеветы на самое святое, на Победу, он не мог снести. Наконец в 1973 году на стол Председателя Совета министров СССР легли увесистые тома «Архипелага ГУЛАГ». И снова – жестокие строки о Великой Отечественной, прославление власовцев и бандеровцев... Великий педант Косыгин с ужасом вчитывался в солженицынскую цифирь: как ловко этот талантливый писа-

тель подменяет документ своей пылкой фантазией! На заседании Политбюро, посвященном солженицынскому вопросу, Косыгин был настроен решительнее всех. Он уже видел в писателе врага, который готов без сожаления разрушить все то, что страна выстрадала и построила за шесть советских десятилетий: «Несколько лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа. Мы его как-то боимся трогать, а между тем все наши действия в отношении Солженицына народ приветствовал бы. Если говорить об общественном мнении, которое создастся за рубежом, то нам надо рассуждать так: где будет меньше вреда – или мы его разоблачим, осудим и посадим, или мы будем ждать еще несколько месяцев, потом выселим в другую страну. Я думаю, что для нас будет меньше издержки, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам. Очевидно, статьи о Солженицыне в газетах надо дать, но серьезные. Солженицын куплен буржуазными компаниями, агентствами и работает на них. Книга Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» – это махровое антисоветское произведение. Я беседовал с тов. Андроповым по этому вопросу. Конечно, капиталистические страны Солженицына не примут. Я за то, чтобы попытаться тов. Андропову прозондировать в капиталистических странах вопрос, какая из них может его принять. Но, с другой стороны, нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили –

то же самое. Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно. Скрывать от народа нам нельзя. Статьи в газетах надо поместить». Столкнулись два максималиста, два патриота России. Один – писатель с амбициями идеолога, сторонник патриархальной Руси, ослепленный ненавистью к советской системе. Другой – администратор, созидатель, видящий свою страну передовой и модернизированной. Им не приходилось ждать друг от друга пощады. Косыгин защищал свой выбор семнадцатого года, защищал память миллионов павших за советскую Родину в священной войне, о которой Солженицын писал с неприятным презрением. Сможет ли история рассудить двух талантливых и трудолюбивых людей – администратора и писателя? Сегодня мы не видим конца этому спору. Но ясно, что созидателю – Косыгину – было что защищать от Солженицына. Это никчемным мечтателям вольно, отшатываясь от «ужасов сталинизма», уничтожать систему, страну.

Интересно рассказал о Косыгине инженер Ф. Вергасов: «Собеседник после самого короткого общения с ним отходил в сторону с каким-то необыкновенным просветленным выражением лица. Я это наблюдал и не переставал удивляться. Это не зависело от контекста и логики беседы, от полярности (положительный или отрицательный) ответа Косыгина. Собеседник получал урок правды, настоящей выстрадан-

ной правды. Такой урок правды, например, есть в фильме «Летят журавли», крутой разговор дяди-хирурга со своим племянником-музыкантом. Я думаю, что ради этого разговора и был поставлен фильм. Он тому почти кричал в лицо: для того чтобы ты тут играл, кто-то из твоих сверстников должен идти на фронт, погибать, терять руки, ноги! Такая правда есть во многих песнях Владимира Высоцкого, в его Жеглове из всенародно любимого фильма «Место встречи изменить нельзя». Безусловно, сказывался авторитет Косыгина. Но главным все же была сила его внутренней убежденности в своей правоте. Чтобы убеждать других, надо сначала быть самому убежденным. Интеллект Косыгина в актах общения проявлялся открыто и как бы доверительно, сильно, мощно, но не громко. Косыгин собеседника не подавлял. Он как бы приглашал на свой уровень общения и пытался помочь собеседнику подняться на этот уровень».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.